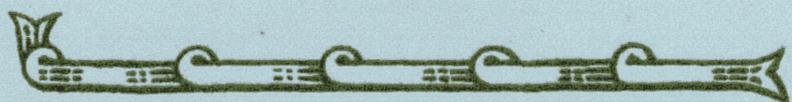

Русская ЛИТЕРАТУРА

2

2017

Санкт-Петербург
«НАУКА»

Русская ЛИТЕРАТУРА

2

2017

Русская литература

№ 2 Историко-литературный журнал 2017

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Д. М. Буланин. «Кормчая книга» и «Книга Кормчий» (семантика названий двух древнерусских книг)	5
Приложение. Предисловие въ книгу сию глаголемую Крѣмчий душам наставника	17

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. Ю. Балакин. А. С. Пушкин и книга И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде в 1820 году»	19
С. И. Монахов. Поэтика дисгармонической неточности: цикл сатир Н. А. Некрасова «О погоде»	30
М. А. Кучерская. Литературная стратегия Н. С. Лескова: случай «Леди Макбет Мценского уезда»	40
А. В. Фёдоров. Неизвестные стихотворения, посвященные первому покушению на императора Александра II	50
На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1910 год (вступительная статья и комментарии Е. Р. Обатиной, подготовка текста А. С. Урюпиной)	56
М. В. Ефимов. Атакующий защитник: кн. Д. П. Святополк-Мирский и формалисты (1920—1929)	96
П. Ф. Успенский, Н. И. Фаликова. К. Вагинов и русский символизм: ранние опыты и «Козлиная песнь» в свете прозы Андрея Белого	122
Н. А. Богомолов. Книжный Петроград 1923 года: доклад и дневниковые записи И. Н. Розанова	153
Маша Левина-Паркер (США). Отец и сын в «Москве» Андрея Белого: синтез противоположностей	170
М. Э. Маликова. «Дон Жуан» Татьяны Гнедич	183
Сонг Чжон Су, Ким Се Ил (Республика Корея). Литературная жизнь Андрея Платонова в Корее: текст — перевод — интерпретация	211

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Р. Ю. Данилевский. Каталог русской окказиональной поэзии	223
Л. Н. Полубояринова. «Певец самоуважения человека в расколдованном мире»: новая книга Х.-Ю. Геригка о Тургеневе	224
В. А. Котельников. Переписка А. К. Толстого и Б. М. Маркевича на французском языке	226
С. Д. Титаренко. Перечитывая классику: Александр Блок на перекрестке культур. . .	229
О. Р. Демидова. «Варшавский россиянин»: из истории русской эмиграции в Польше	231

ХРОНИКА

Е. В. Виноградова. XIX Научные чтения Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН	234
М. Ю. Степина. Пятые Панаевские чтения	236
В. В. Филичева. XVIII Алексеевские чтения	240
А. Ю. Соловьев. Международная научная конференция «Карамзин — писатель. К 250-летию со дня рождения»	242

**Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН**

Редакционный совет:

*Н. А. БОГОМОЛОВ, С. Г. БОЧАРОВ, М. ГАРДЗАНТИ, С. ГАРДЗОНИО,
Ж. Ф. ЖАККАР, А. А. ЗАЛИЗНЯК, Вяч. Вс. ИВАНОВ, ЛЮ ВЭНЬФЭЙ,
Дж. МАЛМСТАД, Ж. НИВА, Дж. СМИТ, Р. Д. ТИМЕНЧИК,
В. ШМИД, Т. В. ЦИВЬЯН*

Главный редактор *В. Е. БАГНО*

Редакционная коллегия:

*М. Н. ВИРОЛАЙНЕН, Е. Г. ВОДОЛАЗКИН, А. М. ГРАЧЕВА,
И. Ф. ДАНИЛОВА (зам. главного редактора), Н. Н. КАЗАНСКИЙ,
А. В. ЛАВРОВ, А. М. МОЛДОВАН, А. Ф. НЕКРЫЛОВА, С. И. НИКОЛАЕВ,
М. В. ОТРАДИН, А. А. ПАНЧЕНКО, Н. Н. СКАТОВ, А. Л. ТОПОРКОВ,
Т. С. ЦАРЬКОВА*

*Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс: (812) 328-16-01; e-mail: rusliter@mail.ru*

- © Российская академия наук, 2017
- © Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2017
- © Санкт-Петербургский филиал ФГУП «Издательство «Наука», 2017
- © Составление. Редколлегия журнала «Русская литература», 2017

НА ВЕЧЕРНЕЙ ЗАРЕ

ПИСЬМА А. М. РЕМИЗОВА С. П. РЕМИЗОВОЙ-ДОВГЕЛЛО: 1910 ГОД

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ И КОММЕНТАРИИ © Е. Р. ОБАТНИНОЙ,
ПОДГОТОВКА ТЕКСТА © А. С. УРЮПИНОЙ)*

Глава рукописи «На вечерней заре», посвященная событиям жизни Ремизова в 1910 году, составлена на основе авторской редакции эпистолярных оригиналов — двух записок и 21 письма к жене. Переписка между супругами, относящаяся к лету и ранней осени, высвечивает лишь небольшой фрагмент 1910 года, который в силу обстоятельств оказался связан со временем создания повести «Крестовые сестры».

Личные жизненные установки, закаленные в литературных неудачах и бытовых перипетиях, отозвались в первой записке Ремизова к Серафиме Павловне. В спонтанном обращении, инспирированном мятежными попытками жены обрести «дело» жизни, предназначение — общественное и профессиональное,¹ он старался передать свое глубокое сопереживание. Строчки короткой записки буквально транслировали образ мыслей, свободный от внешних влияний и основанный на убеждении, что они вместе и каждый по отдельности — самоценные личности, достойные выбора собственного пути: «Нет, никогда не будем жить под скорлупою. Стоит только подлезть под нее, и уж хочешь-не-хочешь, придавишься, согнешься. Нет, нет и нет! Всегда сами по себе, пускай со всеми неприятностями, но не поддаваясь, не уступая — во имя своего отличия из тысячи одинаковых».² Выказанная Ремизовым в начале марта позиция, несомненно, еще содержала отзвук эмоциональных потрясений и рефлексий, пережитых ровно месяц назад, когда писателю пришлось столкнуться с коллективным мнением литературного «синедриона».

История с обвинением в плагиате, сильно подорвавшая литературную репутацию и психологический настрой Ремизова летом 1909 года, несмотря на тяжесть последствий (болезнь и длительную депрессию) обернулась для писателя новой фазой творческого самоопределения и вызвала в нем потребность к пересмотру собственного литературного кредо. В этом смысле очень плодотворной оказалась поездка в Кострому к Ивану Александровичу Рязановскому, ставшему с этого времени надежным товарищем и консультантом по русской этнографии и древнерусской книжности.³ Так, вопреки литературной анафеме, которой Ремизов подвергся в изда-

* Архивные изыскания для подготовки настоящей публикации к печати выполнены при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-04-00129). Первые главы не публиковавшейся при жизни писателя рукописи «На вечерней заре», подготовленные к печати профессором А. д'Амелия, см.: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa Orientalis*. 1985. № IV. С. 149—190; 1987. № VI. С. 237—310; 1990. № IX. С. 443—498. Мы продолжаем последовательное (по годам) введение в научный оборот новых глав. См.: На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1907 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // *Русская литература*. 2014. № 1. С. 149—178; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1908 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // *Там же*. № 3. С. 142—184; На вечерней заре. Письма А. М. Ремизова С. П. Ремизовой-Довгелло: 1909 год / Вступ. статья, подг. текста и комм. Е. Р. Обатниной // *Там же*. 2015. № 3. С. 153—203; 2016. № 2. С. 162—211. Далее ссылки на эти публикации даются сокращенно: На вечерней заре, с указанием года и страницы. Фрагмент 1909 года печатался в двух номерах. Поэтому при ссылках на него мы будем обозначать арабской цифрой 1 ту часть текста, которая была помещена в № 3 за 2015 год (На вечерней заре 1909-1), и цифрой 2 — опубликованную в № 2 за 2016 год (На вечерней заре 1909-2).

¹ Ср. ремизовское воспроизведение интенций Серафимы Павловны при беседе с А. Р. Минцловой в письме к жене от 2 июня 1909 года: «...тебе надо „ДЕЛО“, это во-первых, и это само собой, а во-вторых, „СЛУЖИТЬ“, в библиотеке, если хотите, но что тебе надо *Волю* — простор — поехать, посмотреть. Так?» (На вечерней заре 1909-2. С. 172).

² Записка от 9 марта 1910 года.

³ Подробнее о Рязановском см. в комментариях А. М. Грачевой к повести «Неумный бубен» (Ремизов А. М. Собр. соч. СПб., 2015. Т. 11: Зга. С. 612—615).

тельских кругах, была написана повесть «Неуемный бубен» — произведение, самым неожиданным образом обнаружившее исключительно независимый характер писателя, не чуждого творческому эксперименту в области преобразования традиционных способов повествования и явно не лишенного притязаний на литературный успех.

Эту повесть Ремизов начал писать во второй половине декабря 1909 года и закончил в конце января 1910 года, уже тогда рассчитывая на ее появление в недавно созданном журнале «Аполлон». Писатель стремился как можно скорее восстановить свое status quo в повременных изданиях, сотрудничество с которыми было для него основным источником средств к существованию. Казалось бы, сама судьба благоволила осуществлению публикации нового произведения на страницах этого издания, соперничавшего с известными символистскими печатными платформами. Достаточно бесхитростный расчет мог выстроиться в сознании Ремизова ввиду благоприятных, на первый взгляд, обстоятельств. К очевидным из них относился тот факт, что М. А. Кузмин, ставший одним из ближайших приятелей писателя в 1907—1909 годах, летом занял должность литературного редактора журнала «Аполлон» по отделу прозы. Не исключено, что, работая над «Неуемным бубном», Ремизов заведомо ориентировался на небольшой кружок ценителей, собиравшихся в его квартире в Малом Казачьем переулке и в свое время увлекавшихся поэтикой эротической повести «Что есть табак». Едва ли не первым поклонником этого шедевра стал Кузмин, наряду с другими литераторами из ремизовского окружения, также укрепившимися в редакции «Аполлона» — Гумилевым, Волошиным, А. Толстым. Все они признавали редкий талант Ремизова находить неизвестные апокрифические тексты и облекать их в литературную форму, не нарушая аутентичности первоисточника.⁴ Словесный материал «Неуемного бубна» был густо замешан на народном эротизме, имевшем в фольклоре исключительно антиэстетическую, смеховую природу, на культивации речевой архаики и диалектизмах, а также тонкой трагической сюжетосложности как народных легенд, так и стили бульварной литературы. Однако надежды на поддержку Кузмина как ведущего редактора и критика журнала начали таять уже в конце 1909 года, когда работа над повестью еще не была завершена. В декабрьском номере «Аполлона» поэт, на литературном счету которого была лишь одна недавно опубликованная книга рассказов, взялся апробировать собственные эстетические представления об искусстве прозаического дискурса в разделе журнала «Заметки о русской беллетристике». Примечательно, что объектом рассмотрения стала только что изданная книга Ремизова «Рассказы», которая хоть и была названа формально по жанровому принципу, но также содержала сновидческие миниатюры (цикл «Бедовая доля») и драматическое произведение — пьесу «Бесовское действо».⁵ Основной недостаток прозы писателя рецензент нашел в «причудливом и необузданном воображении», разрывающем даже «стройность» заимствованных форм, восходящих к прозе Гоголя, Достоевского и Пшибышевского. Комплиментарное сопоставление с классиками Кузмин довольно едко приправил общей характеристикой этих «непохожих» писателей: «...острый, расколотый и мятущийся дух, какая-то истерическая неуравновешенность, тяжелая атмосфера, — воздух, который лопатой не перемесишь, те же экстренные положения, ненужные мелодрамы, тот же изломанный синтаксис».⁶ Осо-

⁴ Ср. также признание Ремизова в письме к Д. В. Философову, связанное с повестью Кузмина «Крылья»: «Я Кузмина полюбил и увлекаюсь им, как писателем, за простоту его речи и легкость оборотов. Я вот бьюсь со своим стилем и у меня ничего не выходит. Муку мученическую терплю от затеи своей писать. Я опух, выводя букву за буквой, как чистписание» (Переписка А. М. Ремизова и Д. В. Философова / Публ. Е. Р. Обатгиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2002 год. СПб., 2006. С. 387).

⁵ На титуле сборника Ремизова «Рассказы», вышедшего в издательстве «Прогресс» не позднее ноября 1909 года, был указан 1910 год.

⁶ Кузмин М. Алексей Ремизов. Рассказы (СПб. Издательство «Прогресс». 1910). [Рец.] // Аполлон. 1909. Дек. № 3. Разд. I. С. [22—23].

бенно жестким оценкам подверглись языковые эксперименты и синтаксические вольности: «...ни меры, ни вкуса в пользовании своею сокровищницей, будто в одном месте заговорили на всех говорах одновременно».⁷

Следующий четвертый (январский) номер «Аполлона» объективировал намеренные ранее интенции как самого Кузмина, так и редакционной коллегии в целом, взявшей курс на новый литературно-эстетический горизонт преодоления символизма. Статья Кузмина «О прекрасной ясности», помещенная на первых страницах журнала, несомненно, по замыслу редакции, носила программный характер и содержала новую литературно-художественную доктрину, основной тезис которой состоял в утверждении пушкинской прозы как литературного эталона. Имя Ремизова не упоминалось здесь в негативном контексте, однако, если сравнить аргументы статьи с предыдущей рецензией Кузмина, то они окажутся идентичными. Вся статья «О прекрасной ясности» построена на логике «от обратного»: именно ремизовский язык, стиль и «техника прозаической речи» являлись здесь поводом для глубокомысленных обобщений на тему, как *не следует* писать. Примечательно, что и сам Кузмин уже в следующем, февральском номере «Аполлона» был возведен в статус наиболее достойного восприемника пушкинской традиции. Этой расстановке силовых позиций в журнале способствовала рецензия Н. Гумилева на первый сборник рассказов Кузмина, в которой упоминался уже поднятый на щит критерий «ясности», и прямое сравнение прозаического стиля двух поэтов, и даже определение писательского кредо, превосходящего в своих качествах другие формы реализации литературного таланта: «Отличительные свойства прозы М. Кузмина — это определенность фабулы, плавное ее развитие и особое, может ему одному в современной литературе присущее, целомудрие мысли, не позволяющее увлекаться чуждыми искусству слова. Он не стремится стилистическими трюками дать впечатление описываемой вещи; он избегает лирических порывов, которые открыли бы его отношение к своим героям; он просто и ясно, а потому совершенно, рассказывает о том и другом. Перед вами не живописец, не актер, перед вами писатель».⁸

Новый курс «Аполлона» был встречен Ремизовым с внешним безразличием. В письме от 9 февраля 1910 года П. Е. Щеголеву, отбывавшему в это время трехгодичный тюремный срок в Петропавловской крепости за антиправительственные публикации, писатель, уже, очевидно, уязвленный критикой Кузмина, рассказывал о событиях в литературном мире. Упомянув литературный манифест аполлоновцев, он не удержался от едва заметного иронического выпада по поводу характерной узости эстетических предпочтений неопитов: «В Петербурге „Аполлон“ пока все занимает, критику ведет Кузмин, завелся там кляризм. Кляризм и больше знать ничего не хотят. Пока вышедшие №№ не важны».⁹

Казалось бы, рецензия Кузмина на сборник «Рассказы» предопределила отношение редакции журнала «Аполлон» к творческой манере Ремизова. Однако создается впечатление, что неожиданно возникшие в недрах журнала новые эстетические регламенты, рекомендуемые всей современной литературе, только раззадорили писателя именно в их кругу прочесть свое новое произведение. Отношение Ремизова к символистам оставалось неизменным. Он по-прежнему относился с пиететом к кругу литераторов, который принял его как начинающего писателя в 1905 году. Находя поддержку в своих творческих устремлениях на Башне Вяч. Иванова в самые острые моменты минувшего 1909 года,¹⁰ он и теперь желал

⁷ Там же. С. [23].

⁸ Гумилев Н. М. Кузмин. Первая книга рассказов. К-во Скорпион. М. 1910 // Аполлон. 1910. Фев. № 5. Разд. I. С. [56]. Ср. также генезис прозы Кузмина, вскрытый Гумилевым: «идет прямо от прозы Пушкина» (Там же).

⁹ ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479—1610. Л. 140—140 об.

¹⁰ Ср. оценку Вяч. Иванова, который назвал ремизовское «Письмо в редакцию», написанное в ответ на обвинение в плагиате, «статьей — о мифотворчестве, с очень широкими горизонтами» (Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 803). О влиянии круга символистов, соби-

представить произведение, в работе над которым начала формироваться его идея воссоздания в литературном дискурсе природного строя — «лада» русской речи, по своей сути противопоставленная искусственной правильности литературного языка. И если Кузмин, напоминая об эталоне пушкинского стиля, призывал к некому идеалу литературности, то Ремизов, очевидно, пытался приблизиться к реализации пушкинского пожелания обогатить книжность естественностью народного языка.¹¹ Он не случайно ждал удобного случая для представления своего нового произведения в собственном исполнении. Сюжет повествования в «Неуемном бубне» осуществлялся, главным образом, при помощи языковых средств, приближенных к звучанию разговорной живой речи, подчас эпатажно избыточной и фактурной для литературного нарратива. Новый творческий опыт Ремизова был направлен на изменение звукового образа литературного языка, который, собственно, и являлся формообразующим элементом этого произведения. Таким образом, добиваясь авторского прочтения «Неуемного бубна», писатель, возможно, надеялся продемонстрировать неизбежный процесс обновления, связанный с новым способом взаимодействия содержания и формы.

В самом начале февраля Ремизов обратился к Вяч. Иванову, который к этому времени возглавил учрежденное осенью 1909 года Общество ревнителей художественного слова (Академию поэтов или Поэтическую академию), безусловно, учитывая его влияние в редакции «Аполлона»: «На прошлой неделе я закончил рассказ,¹² о котором говорил Вам в новый год. Сижу переписываю. Название ему пока — „Неугомонное сердце“. Если подойдет другое — назову именем другим. Я хотел бы прочитать его Вам на той неделе в четверг, в пятницу, как Вам удобнее. За полтора месяца глаз притупился к нему, придется, может быть, либо дополнить, либо переделывать. Может мне лучше всего прочитать в Академии? И в тот же вечер будет выяснено: подходит рассказ „Аполлону“ или посылать мне его в „Р(усскую) М(ысль)“. Обсудите, Вячеслав Иванович, и известите меня к четвергу, как найдете лучшим».¹³ Чтение состоялось в редакции журнала «Аполлон» 11 февраля 1910 года в присутствии всего литературного «синедриона», как впоследствии Ремизов назовет членов совета Поэтической академии, состав которого практически соответствовал как официальной, так и авторитетной (по умолчанию) редакционной коллегии журнала.¹⁴

Единственное описание этого события принадлежит самому Ремизову. Из его рассказа, включенного в книгу воспоминаний «Петербургский буерак», следует, что на собравшихся новое произведение произвело благоприятное впечатление.¹⁵ Однако несколько дней спустя (15 февраля) рукопись была возвращена автору в сопровождении официального письма секретаря редакции Е. А. Зноско-Боровского, который, выполняя поручение редакционной коллегии, вынес коллективное за-

равшихся на ивановской Башне, на ремизовскую концепцию соединения мифа и литературы см. также: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). Helsinki, 2010. С. 121—122.

¹¹ Ср. в письме Пушкина к М. П. Погодину (конец ноября 1830 года): «Языку нашему надобно воли дать более — (разумеется) согласно с духом его). И мне ваша свобода более по сердцу, чем чопорная ваша правильность» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: [В 16 т.]. [М.; Л.], 1941. Т. XIV. С. 250).

¹² Во второй печатной редакции это произведение получило более весомое жанровое определение — «Повесть о Иване Семеновиче Стратилатове. Неуемный бубен» (Берлин, 1922).

¹³ Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, прим. и подг. писем А. М. Ремизова — А. М. Грачевой, подг. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов. Материалы и исследования. М., 1996. С. 96—97.

¹⁴ В воспоминаниях Ремизова («Кукха. Розановы письма» и «Петербургский буерак») данное событие отнесено к концу 1909 года. Подробнее об этой хронологической aberrации см.: Обатнина Е. Неочевидный смысл очевидных фактов: А. М. Ремизов и журнал «Аполлон» // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н. А. Богомолова. М., 2011. С. 329—330.

¹⁵ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 194.

ключение по вопросу о публикации: «...я посылаю Вам Вашу рукопись, согласно Вашему желанию, — она понравилась, но так длинна, что до осени едва ли могла бы появиться в „Аполлоне“, — а это, кажется, Вас не устроило бы».¹⁶ Два месяца спустя (14 апреля 1910 года), когда «Неумный бубен» был опубликован в «Альманахе для всех»,¹⁷ в своем личном обращении к Ремизову Зноско-Боровский признавался: «Очень жалею, что я не слышал, как Вы читали „Неумный бубен“ — я бы все сделал, чтобы он появился в „Аполлоне“ — я от него в восторге».¹⁸ Это частное письмо Зноско-Боровского, а также импульсивная реакция присутствующих на чтении литераторов (в частности, Андрея Белого и А. Блока), колоритно воспроизведенная Ремизовым в воспоминаниях,¹⁹ резко контрастировали с воследовавшим официальным ответом из редакции. Подобное несоответствие частного и коллективного мнения, очевидно, указывало на то, что истинные мотивы решения аполлоновцев носили идейно-эстетический характер. Статья Кузмина «О прекрасной ясности», как и всякая идеологическая программа, устанавливала новую шкалу ценностей, не рассчитанную на индивидуальные мнения и отклонения. Так, частная писательская биография оказалась сопряжена с куда более масштабным историко-литературным процессом — со сменой литературных эпох. Зимой 1909—1910 годов члены редакционной коллегии журнала определились с новой моделью художественного осмысления действительности, и так случилось, что именно Ремизов не просто оказался в эпицентре их борьбы за «преодоление символизма» (В. М. Жирмунский), но, отказавшись от теоретических манифестаций своего метода, он создал литературное произведение новой формы, опирающееся на живую неокультуренную природу русского языка, традицию и этнографию.

Отказ «Аполлона» глубоко задел писательское честолюбие Ремизова. Однако его обида зародилась не столько из возникшего чувства чужеродности литературной среде, казавшейся ему до сих пор дружественной и питательной для творческих экспериментов, сколько в неожиданном столкновении с установочным равнодушием, жестко пресекающим любые попытки поиска путей обновления литературы, новых форм нарративного построения и звучания. Понадобилось без малого тридцать лет, чтобы рефлексия по поводу пережитого биографического сюжета вновь возникла в памяти Ремизова. Характерно, что поводом для возвращения этого затаенного и болезненно пережитого психоэмоционального «бумеранга» стала не автобиографическая потребность, а вызревшие мысли о феномене литературного канона. В очерке «Дар Пушкина» (1937) он вспомнил кузминскую дефиницию, отражающую, как казалось аполлоновцам, основное содержание пушкинского стиля: «...вошедшая в обиход „ясность“, ничего не открывает: „ясность“, как и „темнота“, — определения, и всегда приводят потом литературными оценщиками по своему глазу и слуху...»²⁰ Ремизов вернется к конфликту с «Аполлоном» также в своих воспоминаниях о М. А. Кузмине (1949), с тем, чтобы еще раз подчеркнуть собственную инородность, не вписывающуюся в узаконенную «синедрином» эстетику: «...все моё не только не подходило к „прекрасной ясности“, а нагло пёрло, разрушая до основания чуждую русскому ладу „легкость“ и „бабочность“ для них незабываемого „пушкинизма“. Они были послушны данной „языковой матери“, только разрабатывая и ничего не начиная».²¹

Не будет преувеличением придать инциденту в «Аполлоне» значение поворотного события, не только утвердившего писателя в необходимости обособления от литературных сообществ, но и заронившего зерна будущих творческих рефлексий,

¹⁶ РНБ. Ф. 634. № 112. Л. 1.

¹⁷ Рассказ был напечатан в первой книге «Альманаха для всех» за 1910 год (с. 57—138).

¹⁸ РНБ. Ф. 634. № 112. Л. 1.

¹⁹ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 194.

²⁰ Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2002. Т. 7: Ахру. С. 252.

²¹ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 249.

образовавших впоследствии автомифологию его мемуаристики 1950-х годов. В частности, именно этот случай стал одной из причин для позднейшего развития темы умаления собственной писательской значимости, которая как нельзя лучше соответствовала мотиву «не-писателя», случайно попавшего в литературу,²² и, несомненно, возникла как реакция на пассаж из рецензии Гумилева на первый сборник рассказов Кузмина, акцентирующий идею писательства, отличную от других форм искусства. В очерке «Послушный самокей» (1940-е годы), посвященном Кузмину, Ремизов, подразумевая «Аполлон», писал: «... в эти двери для меня „вход воспрещен“». И тут же приводил слова некоего знакомого, бывавшего на собраниях в редакции журнала: «... все они высшей культуры, а мы с вами средней». И это осталось у меня в памяти».²³

Скорее всего, упомянутым в очерке знакомым Ремизова был М. М. Пришвин, дружба и творческие контакты с которым значительно сместили на периферию редких встреч ремизовское общение с членами ивановской «Академии» и эстетам «мирискуснического» кружка, прежде подкрепленное обоюдными симпатиями. Да и контакты с ближайшим приятелем из литераторов — Кузминым — в 1910 году практически прекратились. Несмотря на незначительное возрастное старшинство Пришвина, между ним и Ремизовым установились отношения учителя и ученика. Примечательно, что начало их тесного общения пришлось на 1909—1910 годы, когда в творчестве Ремизова обозначился новый виток новаторских поисков. Главное содержание этих перемен в Ремизове Пришвин определял как органическое чувство творческой свободы, позволяющей внутренне согласовать закон жизни и закон веры, открывающей бытийственную «Истину». В дневнике 1909 года писатель на противопоставлении с кругом Мережковских, в котором осуществлялась сложная, граничащая с сектантством, практика реформирования христианства, сформулировал для себя внутреннюю причину мировоззренческого сближения с Ремизовым и критиком Ивановым-Разумником, ставшими его спутниками на долгие годы: «На самом деле у Мережковского я встретил новые цепи. Практически: от меня требовали простого подчинения. А у меня свобода... я хочу писать свободно. Пришлось отшатнуться. Вот почему явились Ремизов и Разумник. Вопрос: если они эстетическими путями своими, т. е. свободно, на пути призвания своего пришли к Истинному, то почему же для других этот путь исключается?»²⁴ Пришвин отчетливо почувствовал эту завидную свободу уже в тексте «Неуемного бубна», отметив необыкновенный эффект живого, неподдельного бытописания. В письме Ремизову от 2 июня 1910 года он делился своими мыслями: «Прочел два раза „Неуемный бубен“, впечатление осталось какое-то особенное, при чтении не очень увлекает, как-то туговато читается, но в общем, после чтения, знаете, как выйдешь на улицу из картинной галереи, все вокруг (быт) расположится живописно: это при моей оценке прочитанного имеет большое значение».²⁵

В свою очередь, Ремизову нравилась свежесть пришвинского стиля, его описания народных характеров и природы. Переписка писателей раскрывает примечательные факты его активного участия в совершенствовании отдельных пришвинских текстов.²⁶ Публикация одного из них — написанного в 1910 году рассказа «Гусёк» — стала для Ремизова делом принципиальной важности. Скрытые подробности предоставляет фрагмент воспоминаний Пришвина, сообщающий дополнительные обертоны в историю личных отношений Ремизова с редакцией журнала

²² Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8: Иверень. С. 265.

²³ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 250.

²⁴ Пришвин М. М. Ранний дневник: 1905—1913 / Подг. текста Л. А. Рязановой и Я. З. Гришиной; комм. Я. З. Гришиной. СПб., 2007. С. 214.

²⁵ Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступ. статья, подг. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 178.

²⁶ См.: Там же. С. 157—208.

«Аполлон». В дневнике 1927 года Пришвин записал: «Большой хитрец и потешник Ремизов, прочитав мой рассказ „Гусёк“, приготовленный для детского журнала „Родник“, сказал мне: „Вы сами не знаете, что написали“. Он устроил из моего рассказа свою очередную потеху, прочитав его среди рафинированных словесников Аполлона. Его интриговало провести земляной, мужицкий рассказ в „сенаторскую“ среду (так он сам говорил). И он был счастлив, когда рассказ там пришелся по вкусу и его напечатали: получился „букет“». ²⁷ Несомненно, для Ремизова факт публикации протезируемого им Пришвина в журнале «Аполлон», буквально несколько месяцев до этого отвергнувшем повесть «Неуемный бубен», был своего рода реваншем — победой над мнимой «ясностью» «литературных оценщиков».

Немаловажной для творческого и человеческого сближения оставалась поддержка Пришвина летом 1909 года, когда он единственный из литераторов выступил в печати на защиту писательской чести и достоинства Ремизова после обвинения его в плагиате. Напомним, что сам скандал разгорелся из-за пересказа одной из народных сказок, фольклорная запись которой как раз принадлежала Пришвину. Именно ему и удалось наиболее убедительно показать разницу аутентичного народного текста и литературной обработки Ремизова. ²⁸ Казалось бы, после пережитого стресса и отлучения от основных печатных изданий, Ремизов должен был хотя бы на время оставить практику пересказа фольклорных сказок и легенд, однако и эта история, равно как история с «Аполлоном», придала ему новых сил и подвигла к продолжению и развитию собственного метода амплификации. ²⁹ Результатом 1910 года в этом направлении стала сказка «Архип Лопин на небо летал», опубликованная Ремизовым с примечанием о том, что в ее основу была положена народная сказка в записи Пришвина. ³⁰ В отличие от многих других обработок, Ремизов внес в пересказ фольклорного текста несколько существенных изменений. Именно эта сказка содержит первый литературный портрет Пришвина-охотника, который впоследствии Ремизов будет варьировать в своих мемуарных очерках. ³¹ Волшебная история, записанная со слов сказителя Василия с озера Имандра, повествует об охотнике Архипе, решившем проверить, что делается на небесах. При помощи тяги горячего воздуха над сооруженным костром он взлетел на такую высоту, что и земля исчезла; прожил на небе неделю, походил, ни народу не встретил, ни Бога и, наконец, соскучился, «что земли не видно». Путь вниз осложнился непредвиденным обстоятельством, но и тут смекалка помогла охотнику вернуться домой. А дома он своим сказал: «Нет, ребята, не нужно попадать на небо». Таков модус народного мифологического сознания: волшебное и фантасти-

²⁷ Пришвин М. М. Дневники: 1926—1927. М., 2003. Кн. 5. С. 211. Рассказ «Гусёк» появился на страницах журнала «Аполлон» летом 1910 года (№ 7. С. 32—37), под названием «У горелого пня». Ср. также дневниковую запись Пришвина о герое рассказа: «Вот человек, которого я люблю. Может быть, оттого я люблю его, что вижу в нем себя, как в зеркале, вижу свое лучшее, то, чем я хотел бы быть, что навсегда потеряно» (цит. по: Пришвина В. Путь к слову. М., 1984. С. 31).

²⁸ Пришвин М. Плагиатор ли Ремизов? (Письмо в редакцию) // Слово. 1909. 21 июня. № 833. С. 5; републ.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 168—172.

²⁹ Ср.: «...При художественном пересказе, когда по сличению всех имеющихся налицо вариантов какой-нибудь народной сказки материалом является облюбованный, строго ограниченный текст, — все сводится к самой широкой амплификации, т. е. к развитию в избранном тексте подробностей или к дополнению к этому тексту, чтобы в конце концов дать сказку в ее возможно идеальном виде. Что и как прибавить или развить и в какой мере дословно сохранить облюбованный текст, — в этом вся хитрость и мастерство художника» (Ремизов А. Письмо в редакцию // Русские ведомости. 1909. 6 сент. № 205. С. 5). См. также: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 204—209.

³⁰ Текстом-источником послужила сказка «Лопарь на небе». См.: Северные сказки: Сборник Н. Е. Ончукова: В 2 кн. СПб., 1998. Кн. 2. С. 135—136 (№ 199). Публикацию сказки Ремизова см.: Огни: Литературный альманах памяти В. Башкина. СПб., 1910. С. 95—97.

³¹ Ср., в частности, очерк «М. М. Пришвин» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 299—301).

ческое в нем подчинено прагматике реальной жизни. Однако только мастерство рассказчика способно высветить в типологическом сюжете важные, по его представлениям, мотивы поведения героев. Как резюмировал Василий, «с тех пор охотники-лопари не стали хотеть на небо попадать».³² Сказка Ремизова, напротив, написана о неутолимом стремлении человека к неизведанному. Сохранив сюжетное ядро, писатель вывел рассказ на высоту мифологического мотива об Икаре, одержимом полетом в недосягаемые сферы. Не случайно вторая редакция сказки получила название по неологизму начала 1910-х годов — «Лётчик».³³ После совета Архипа не летать на небо в сказке Ремизова следует зримая картина всеобщего желания новизны и открытий: «И с тех пор, словно на смех, как прикатится весеннее время, глядь, а уж который-нибудь охотник рубит лесину, строгаёт стружки, раздувает костер, тяп-да-ляп — полетел! Конечно, без земли человеку скучно, да охота пуще неволи: хочется поглазеть человеку на Божью небесную тварь — на солнце, луну, на мелки часты звезды и на планеты».³⁴ Архип-охотник и писатель-охотник как будто двойники, даже внешне похожи: «...у Пришвина необычайный глаз, ухо и нос на лес и зверя»,³⁵ Архип — «сам сивый, усы коковы, а глаз круглый-птичий. На зверя и птицу слово знал».³⁶

Возможно, обращение Ремизова к этой сказке, записанной Пришвиным в Лапландии, побудило писателей, увлеченных народным мифом, серьезно планировать совместную поездку на Кольский полуостров в мае 1910 года, в земли таинственного северного народа. Насколько экспедиция была осуществима в реальности, трудно судить, учитывая слабое здоровье Ремизова и его неприспособленность к «полевым» условиям. Тем не менее подготовка велась тщательная. Пришвин, выработавший к этому времени не только практический опыт, но и философию путешествий, понимал, что Ремизов явно не готов к погружению не в книжную, а в подлинную стихию народной мифологии. В дневнике 1910 года он констатировал эти сомнения, отмечая несоответствие своему отношению к этнографической экспедиции: «Вчера у Рязановского и Ремизова. Путешествие, — говорю я, — пост. Вы не знаете отрешенности от себя».³⁷ Ремизов, действительно, совершал свое путешествие исключительно умозрительно: он досконально проштудировал очерки Н. Н. Харузина — исследователя быта и мифологии русских лопарей, и даже нарисовал карту Лапландии, которая сохранилась в одном из его альбомов с рисунками.³⁸ Надо ли уточнять, что путешествие не состоялось? Однако через год мотивы лапландских сказаний появились в ремизовской новелле о нойдах-колдунах, включенной в рассказ «Глаголица» (1911).

Весна 1910 года выдалась богатой на события, которые по-прежнему испытывали Ремизова на прочность и верность избранному методу приобщения народного творчества к руслу единого литературного процесса современности. 17 апреля на писателя обрушилось новое публичное обвинение в фальсификации источника, который лег в основу его переложения легенды, приведенной в рассказе «Страсти Пресвятые Богородицы».³⁹ На сей раз удар по его репутации был нанесен со стороны научного сообщества. Профессор Московского университета А. С. Хаханов, считавший своим достижением введение в научный оборот рукописи апокрифического сказания, которое Ремизов использовал в рассказе, незамедлительно поместил в

³² Цит. по: Северные сказки. Кн. 2. С. 136.

³³ Под таким названием сказка была напечатана в сборнике Ремизова «Докука и балагурье» (СПб., 1914).

³⁴ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. М., 2000. С. 322.

³⁵ Ремизов А. Куха. Розановы письма. СПб., 2011. С. 59 (сер. «Литературные памятники»).

³⁶ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. С. 320.

³⁷ Пришвин М. М. Дневники: 1926—1927. Кн. 5. С. 222.

³⁸ Подробнее об этом см.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 3: Оказион. С. 631—632.

³⁹ Публикация легенды состоялась в газете «Утро России» (1910. 16 апр. № 124. С. 2).

печати «Письмо в редакцию», где выразил недовольство тем, что не обнаружил в авторских примечаниях упоминания его имени как первооткрывателя и публикатора текста-источника. Завершая свое обращение в редакцию, автор обвинительной заметки после пассажа, содержащего намеки на некомпетентность Ремизова в работе с палеографическим материалом, ограничился сентенцией: «Полагаю, что ссылка на источник должна быть сделана точно и добросовестно».⁴⁰ Обстоятельства появления этого довольно мелочного для ученого-специалиста заявления как будто были нацелены на изгнание Ремизова «из писателей», резонируя с историей о плагиате, которую расписывали на все лады газеты июля—августа 1909 года.⁴¹ Насколько Ремизов выработал в себе иммунитет к нападкам подобного рода, говорит его спокойный и даже иронический ответ обвинителю на страницах той же газеты. Он резонно объяснил своему оппоненту характер примечаний к тексту-источнику, поясняющих генезис собственно легенды и указывающий издание, где сведущие в палеографии и памятниках «отреченной» литературы, в отличие от читателей ежедневной газеты, смогли бы найти все дополнительные сведения об этом тексте, включая и имя публикатора.⁴² Едва ли сам Ремизов в то время понимал, что в действительности причина спорадически возникающих судилищ над ним и другими писателями, использующими в своем творчестве мифологические либо ставшие классическими литературные мотивы, коренилась в самом неуклонном развитии модернизма, постепенно утверждающего интертекстуальность основным художественным принципом. Новаторство Ремизова отчасти происходило из потребности писателя в глубоком изучении мифологических мотивов и образов. Его личная творческая программа теперь все более сопрягалась с проблемой трансляции единой мифологической традиции в область культурного сознания, дистанцированного от живого мира сказок и легенд.⁴³

Вместе с тем весной Ремизова ожидало еще одно крушение иллюзий, связанных с поддержкой символистского круга писателей. Прецедент в «Аполлоне», обостривший в Ремизове чувство цехового изгнанничества, оказался не последним в 1910 году. В поисках заработка он подготовил очередной сборник своих произведений, композиционным центром которого должен был стать рассказ «Неумный бубен».⁴⁴ Переписка с женой и другими корреспондентами подтверждает тот факт, что Ремизов направил проект сборника сразу нескольким издательствам. Однако самые большие надежды он связывал с учрежденным в конце 1909 года в Москве «Мусагетом», заранее заручившись поддержкой присутствовавшего на чтении рассказа в редакции «Аполлона» Андрея Белого, который имел прямое отношение к этому культурному начинанию.⁴⁵ Программа нового издательства и готовящегося к печати журнала «Труды и дни»⁴⁶ была ориентирована на создание идеологической печатной платформы, альтернативной манифестациям редакции петербургского журнала «Аполлон», с целью «поддержать ту группу „новых“ писателей, которая порвала с чистым эстетизмом (эстетством) и с символизмом как только художественным методом (виртуозностью), группу, которая шла навстречу проблемам

⁴⁰ Хаханов А. По поводу рассказа А. Ремизова «Страсти Пресвятые Богородицы». (Письмо в редакцию) // Утро России. 1910. 17 апр. № 125. С. 4.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). С. 115—119.

⁴² Ремизов А. В ответ на письмо А. С. Хаханова по поводу моего рассказа «Страсти Пресвятые Богородицы». (Письмо в редакцию) // Утро России. 1910. 25 апр. № 131. С. 5.

⁴³ Подробнее о новых тенденциях формирующегося модернизма, проявляющихся в творчестве Ремизова, см.: Данилова И. Литературная сказка А. М. Ремизова (1900—1920-е годы). С. 122—124.

⁴⁴ Содержание своего сборника Ремизов также сообщил П. Е. Щеголеву в письме от 24 мая (6 июня) 1910 года (ИРЛИ. Ф. 627. № 1479—1610. Л. 141).

⁴⁵ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский бунрак. С. 195.

⁴⁶ Лаэров А. В. «Труды и дни» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917: Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 192.

религиозным и философским».⁴⁷ Ремизовский сборник, состоявший из рассказов, переложений народных сказок и пьесы «Трагедия о Иуде принце Искаротском», не соответствовал подобной специализации и, объективно говоря, неудивительно, что мусagetцы отказались его печатать под своим грифом. Огорчительное известие, пришедшее раньше официального редакционного извещения, писатель воспринял крайне болезненно. В письме Андрею Белому Ремизов, очевидно, усматривая зеркальность ситуации с «Аполлоном», писал: «Если я обратился к Мусagetу, то единственное, памятуя Ваши слова после „Неумного бубна“, что Мусaget мою книгу новую издаст обязательно. Все это очень грустно. Мне хотелось бы знать мотивы отказа действительные, по правде, а не такие, как пишут из книгоиздательства».⁴⁸ Еще не получив разъяснений, но уже предполагая столкнуться с очередной программой, выталкивающей из своего круга писателей, творчество которых не отвечало жестким идейным и эстетическим регламентациям, писатель довольно точно определил собственное положение в сложившемся в 1910 году литературном контексте — между символистскими изданиями, отвергнувшими его, либеральной печатью, принимавшей его лишь в качестве писателя, пригодного для украшения праздничных пасхальных и рождественских номеров, и реакционной печатью, которую он и сам избегал, несмотря на возможности публикации: «... в воздухе между Аполлоном — Мусagetом, Речью и К° и твердынями русского просвещения — Вестником Евр(опы), Мир(ом) В(ожиим), Нов(ым) Врем(енем) и К°».⁴⁹

В образовавшемся «вакууме» отрадным стало одно примечательное событие художественной жизни Петербурга. Совместная выставка двух представлявших новое искусство художественных групп «Треугольник — Венок—Стефанос», с одной стороны, всколыхнула старые связи Ремизова с футуристами Давидом и Владимиром Бурлюками,⁵⁰ а с другой, — раздвинула круг его общения с новаторами в искусстве и литературе, в частности, способствуя сближению с такой колоритной личностью, как Николай Иванович Кульбин. Человек необычайной энергии — врач-психиатр, художник, теоретик русского авангарда,⁵¹ всеми силами своего деятельного ума и таланта способствовавший развитию футуристического движения в России, он, стремясь реализовать идею синтеза пластического и вербального искусств, объединил экспозицию живописно-графических произведений художников-новаторов с так называемой «комнатой писателей», в которой были представлены графические эскизы литераторов — автографы и рисунки, по большей части позаимствованные из частных коллекций Ф. Ф. Фидлера и Т. Л. Щепкиной-Куперник. Благодаря этому Ремизов, наряду с другими петербургскими писателями, смог представить на публице образцы своей каллиграфии. Участие писателя в футуристической выставке было, скорее, тенденцией времени. Однако сама синхронность творческих устремлений Ремизова и представителей нового искусства в контексте общего перестроения литературных направлений, связанного с преодолением символизма, позволяет считать 1910 год точкой отсчета в биографии писателя, с которой начинается развитие его собственной «программы» обновления ав-

⁴⁷ Толстая Г. А. Издательство «Мусaget» // Книга: Исследования и материалы. М., 1988. Сб. 56. С. 126. Подробнее о противопоставлении двух литературных программ см.: *Безродный М.* Из истории русского германофильства: Издательство «Мусaget» // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1999 год. М., 1999. С. 157—198.

⁴⁸ Андрей Белый и А. М. Ремизов. Переписка / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Александр Блок. Исследования и материалы. СПб., 2010. С. 486—487.

⁴⁹ Там же. С. 485.

⁵⁰ Об истории их знакомства и приятельских отношений см.: *Обатнина Е.* «Если вы включаете Ремизова в группу футуристов — на это есть некоторые основания». К истории отношений писателя с авангардистами // *Paralelli: studi di letteratura e cultura Russa per Antonella d'Amelia* = Параллели: Исследования по русской литературе. Антонелла д'Амелия / A cura di C. Diddi e D. Rizzi. Salerno, 2014. С. 181—204 (Europa Orientalis. Vol. 22).

⁵¹ В марте 1910 года в сборнике «Студия импрессионистов» Кульбин опубликовал статью «Свободное искусство как основа жизни».

торского приема и метода.⁵² Ремизовское отношение к каноническим литературным формам, конечно, не имело такого экспансивного характера, с каким футуристы «бросали» всю литературу прошлого с «корабля современности».⁵³ Однако дружеские контакты Ремизова с авангардистами и их взаимный интерес друг к другу⁵⁴ позволяют считать его литературные новации созвучными тенденциям нового искусства.

Выставка «Треугольник — Венок—Стефанос», объединившая полотна художественно-психологической группы Кульбина, футуристов во главе с Д. Бурлюком и специально выделенную экспозицию рисунков и автографов писателей, была продуманным актом смещения стилей и языков художественной выразительности, предвещающим масштабные преобразовательные процессы. Была ли эта идея отрефлексирована Ремизовым в 1910 году, мы не беремся доказывать, однако, впоследствии именно коннотации графического жеста и слова, открывающие мир «чистого», свободного от канонов и шаблонов, непосредственного процесса творчества, стали одной из актуальных интенций его собственного индивидуального стиля.⁵⁵

Когда отвергнутый в «Аполлоне» «Неумный бубен» появился в апрельской книжке «Альманаха для всех»,⁵⁶ Кузмин, рецензируя это издание, высказал ряд суждений критического характера, по-видимому, основанных на впечатлении от ремизовского чтения повести в Академии стиха. И все же повторное обращение к тексту заставило его признать очевидное стремление автора к реформированию романной формы. «В последнее время, — констатировал критик, — ясно замечается возобновленный интерес общества и писателей к произведениям длительности большей, чем рассказ или новелла. Намечаются пути к воссозданию формы романа, который дал бы нам отражение современное, и не в распыленных осколках,

⁵² Ср. аналогичный конфликт восприятия, выраженный А. Крученых в письме метру символизма В. Я. Брюсову, который в дискуссии о литературных критериях оперировал такой же семантической размытой дефиницией, как «прекрасная ясность» Кузмина: «Вы употреблете такой неопределенный, субъективный критерий, как *выразительность*, и здесь же забываете о его субъективности, относительно для игрек, о чем же спор? (...) И что выразительно для их, то невыразительно для ихрек, о чем же спор? (...) для нас наши произведения выразительны, а значит, они выразительны (и сами по себе). Нелепо ведь считать: у одних *ниже* художественное чутье, у других — *выше*. Надо: у одних одно, у других другое, и не надо всех подводить под одну мерку (...)» (цит по: *Гурьянова Н.* Ремизов и «будетляне» // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы.* СПб., 1994. С. 147). Ср. также ценную мысль Н. Гурьяновой о мотивах сближения футуристов с Ремизовым: «Ремизовская идея творчества совпала с новой концепцией авангарда именно своей „непохожестью“, тем уже, что он и был пресловутым „другим“ и для футуристов, и для символистов, как бы олицетворяя в себе „подвижную“ изменяемость, амбивалентность индивидуального стиля, стоящего вне „окоstenелых“ схем и шаблонов той или иной литературной школы» (Там же. С. 147). О том, что между писателем и самыми радикальными представителями нового искусства шел диалог, свидетельствует и забавная адресованная Ремизову недатированная записка Крученых с коротким признанием: «Я не страшный» (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. № 108).

⁵³ См.: *Бурлюк Д., Бурлюк Н., Крученых А., Кандинский В., Лившиц Б., Маяковский В., Хлебников В.* Пощечина общественному вкусу. М., 1913.

⁵⁴ В отличие от более сложного и нередко критического отношения, которое футуристы встретили среди символистов. Ср., в частности, ироническую эпиграмму Вяч. Иванова, сочиненную по поводу достижений авангардистов в изобразительном искусстве: «Новаторы до Вержблова / Что ново здесь — за рубежом не ново» (цит. по: *Ларнис А. Е.* Заметки к диалогу Вяч. Иванова с футуристами // Вячеслав Иванов: архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 414). О датировке этой эпиграммы см.: *Обатнина Г. В.* Письмо Вяч. Иванова к Игорю Северянину из архива Пушкинского Дома // *Memento vivere: Сборник памяти Л. Н. Ивановой.* СПб., 2009. С. 247.

⁵⁵ См. об этом, в частности: *Маркадэ И.* Ремизовские письма // *Alexej Remizov. Approaches to a Protean Writer / Ed. by G. Slobin.* Columbus, 1987. P. 121—134; *Обатнина Е.* Мегафизический смысл русской классики («Огонь вещей» А. М. Ремизова как опыт художественной герменевтики) // Новое литературное обозрение. 2003. № 3 (61). С. 233—240.

⁵⁶ *Ремизов А.* Неумный бубен // *Альманах для всех.* СПб.: Новый журнал для всех, 1910. Кн. 1. С. 59—138.

как то было в чеховское и послечеховское безвременье, а в цельных, хотя бы и небольших зеркалах. (...) Если бы мы не побоялись быть пророками, то сказали бы, что находимся на пороге нового бытового символично-реалистического романа».⁵⁷ Чуковский, претендовавший в 1910 году на роль первооткрывателя таланта Ремизова, прибежал к приемам грубого эпатажа, способного распалить читательский интерес к художественным «девиациям» в творчестве писателя.⁵⁸ Прочитав повесть, критик был буквально потрясен новизной звучания и фактурой материала. В письме к автору он выразил свою мысль коротко: «Какая прозрачная, отчетливая вещь — это(т) „Бубен“, чувствую, что в нем „Новый Ремизов“».⁵⁹

Несомненно, в 1910 году менялась картина литературно-художественного мира. Об этом заговорили известные и пронизательные критики.⁶⁰ Симптоматичным было и появление сборника «Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств», инициаторы которого организовали в 1910 году анкетирование деятелей литературы и искусства по животрепещущему вопросу современности. Сама потребность зафиксировать рефлексию творческой элиты свидетельствует о действительно остро переживаемом историческом моменте и необходимости его своевременного осмысления: «Что же выйдет из всех этих пут небывалой разногласицы, свидетельствующей о небывалом кризисе русской общественной мысли, — кризисе, из которого наша интеллигенция должна выйти или победительницей, или побежденной, сраженной незнанием, неумением выбраться на прямую и определенную дорогу».⁶¹ В хор из сорока голосов известных творческих деятелей был влетен и голос Ремизова, прозвучавший как всегда самостоятельно и до известной степени с вызовом. Писатель с первых строк объявил: «Не умею я рассуждать и все рассуждения дедушки Карамзина не направили меня, и статьи из газет не помогают...»⁶² и способен только рассказывать... сказки. Свою зарисовку, героем которой оказался персонаж «посолонного» цикла сказочных новелл Котофей Котофеевич, он назвал «завитушкой». Легковесность подобной жанровой дефиниции явно шла вразрез с актуализируемыми в сборнике проблемами настоящего и будущего, но вместе с тем подчеркивала ремизовскую осоз-

⁵⁷ Аполлон. 1910. № 7. Разд. II. С. 43—46. Ср. также наблюдение М. Волошина: «Анри Ренье представляет переход от символизма к новому реализму. Для нас, переживших символизм и вступающих в новую органическую эпоху искусства, этот образец гармонического, строгого и последовательного превращения бесконечно важен. В романах и повестях Андрея Белого, Кузмина, Ремизова, Алексея Толстого у нас уже начинаются пути нео-реализма...» (цит. по: Волошин М. Лики творчества. Л., 1988. С. 60 (сер. «Литературные памятники»); впервые опубли.: Аполлон. 1910. № 4. С. 18—34).

⁵⁸ Чуковский К. Вселенская тошнота // Речь. 1909. 11 янв. № 10. С. 3.

⁵⁹ Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского / Вступ. статья, подг. текста и комм. И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой // Русская литература. 2007. № 3. С. 164.

⁶⁰ Обзор критических статей, отмечавших тенденцию к «новому реализму», в том числе и в творчестве Ремизова, см.: Русская литература конца XIX—XX в.: 1908—1917. М., 1972. С. 444—474. О новых тенденциях в художественной жизни см., например: Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России 1900—1910-х годов. М., 1988. С. 150—168. Ср. также наблюдения над процессом смены эстетических канонов в изобразительном искусстве: «Быть может, отрицая выработанные культурные формы, мы действительно идем к кажущемуся одиночеству, к примитивизму, к новому византизму, быть может, это одно из „возражений“, знаменовавших оздоровление отжившей культуры. Пока нелегко отрешиться от добытых с таким трудом утонченных форм, трудно видеть твердые основы нового канона, законность, которая так была ясна в старом, но можно ли утверждать, что и сейчас не существует преемственности, а главное, можно ли не чувствовать привлекательности каких-то новых струй? Когда пройдут бури, быть может, выяснятся вполне и в новаторстве элементы лжи, с одной стороны, на существовании которых так настаивают завязтые консерваторы, но эта ложь, ведущая к правде, ибо она исходит из жажды правды, и уж во всяком случае не та омерзительная, заплесневелая, мещанская ложь, которая все еще царит в нашем искусстве...» (Ростиславов А. Свежие бури // Театр и искусство. 1910. 14 апр. № 14. С. 299).

⁶¹ Куда мы идем? Настоящее и будущее русской интеллигенции, литературы, театра и искусств: Сборник статей и ответов. М.: Заря, 1910. С. IV.

⁶² Что ждет нашу литературу? Ответ А. М. Ремизова // Там же. С. 109.

нанную позицию человека, занимающегося литературным трудом, который по своему призванию и таланту реализует художественный модус мышления, раскрывая сущностные проявления жизни в образах и сюжетах. Характерно, что в качестве своего vis-à-vis, авторитетного в вопросах аналитики современных интеллектуально-духовных процессов, Ремизов назвал некое загадочного Балду Балдовича. Истинное имя этого, на первый взгляд, вымышленного героя, раскроется значительно позже — в 1922 году, когда в Берлине выйдет в свет автобиографическая книга «Кукха. Розановы письма». Одна из ее глав содержала трогательную подробность взаимоотношений писателя и Василия Васильевича Розанова — философа и публициста, творчество которого, в частности, выражалось в пристальном изучении современной жизни. Именно он в минуты дружеского расположения сам себя добродушно-иронически именовал Балдой Балдовичем.⁶³

В сказовой манере Ремизов изложил практически бессодержательный сюжет, основная идея которого заключалась в преобразении сказкой бытовой, мало примечательной жизни. Так иносказательно писатель указал на народный миф как основной источник будущей литературы, а заявленная им новая форма — «завитушка» — была несомненным «прогнозом» развития собственной прозы по вектору фрагментирования большой романной формы. Очевидно, что в 1910 году продуктивность художественного метода, построенного на дискретном нарративе, не осознавалась им в полной мере, но впоследствии, начиная с середины 1910-х годов, нашла выражение в новеллистической прозе его авторских сборников и в дальнейшем — в организации романов эмигрантского периода как собрания множественных сюжетов. «Завитушку» — эту свою жанровую находку — Ремизов неоднозначно использовал также как некую проекцию собственного творчества в примечаниях к тому «Сказки», который увидел свет в 1911 году в составе собрания его сочинений. Однако полноправное место в творчестве Ремизова «завитушка» заняла только в 1922 году, когда в процессе работы над книгой воспоминаний о В. В. Розанове писатель назвал так главу со вставными новеллами, прерывающими общий строй автобиографического повествования.

По логике личной биографии Ремизова, которую мы прочитываем в событиях 1910 года, участие писателя в весенней выставке художников-авангардистов оказалось закономерным расширением его личной «территории» творчества.⁶⁴ Чтобы уловить эту ускользающую связь, имеет смысл обратиться к событиям начала 1910 года. Как обычно в жизни, отягощенной неудачами и проблемами, облегчение приходит, откуда и не ждешь. 3 января, когда Ремизов еще болел пневмонией и не ожидал, по-видимому, от судьбы никакого благоволения, пришло короткое письмо от К. А. Сомова, с которым у писателя сложились самые доброжелательные отношения. Со свойственной этому художнику исключительной почтительностью по отношению к Ремизову, он писал:

Дорогой Алексей Михайлович,

Во-первых, поздравляю Вас и милую Серафиму Павловну с новым годом и от души желаю вам всяких благ и счастья, а во-вторых, у меня к Вам дело: Влад(имир) Павлович Рябушинский просит Вас (и поручил мне это Вам передать) переписать ему Вашей искусной, единственной рукою «Табак». Рябушинский приобрел у меня оригиналы иллюстраций к этой повести и собирается их включить в эту будущую рукопись. Если Вы согласны, то подробности о формате, бумаге и прочем он просил нас обсудить сообща. Рябушинский мечтает таким образом получить в свою библиотеку редкую и прекрасную книгу. Завтра, т. е. 4 января, к Вам

⁶³ Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 80.

⁶⁴ См. об этом также: *Обатнина Е.* Быт как территория творчества Алексея Ремизова // Вестник истории, литературы и искусства / Под ред. акад. Г. М. Бонград-Левина. М., 2008. Т. 5. С. 341—352 (РАН. Отд. ист.-филол. наук).

явится г. Тимофеев, секретарь Вл(адимира) П(авловича), чтобы узнать от Вас почтенные условия. Мне же Вы черкните два слова ответа, тогда я постараюсь поскорее с Вами увидеться.

Вообще же я Вас не видел целую вечность!

Ваш К. Сомов.⁶⁵

В воспоминаниях Ремизова, написанных в 1940—1950-х годах, встречается упоминание о работе над этим заказом, который еще в 1910 году казался необычной прихотью коллекционера: «...я трудился над перепиской моей повести: на больших листах полуустав с красными и голубыми заглавными буквами; к моим листам вложены листы с оригиналами рисунков Сомова. А все вместе в папке. Дороже всего стоила папка. Сомов получил 900 рублей (по 300 рублей рисунок), а мне за мою писчую работу 50 рублей. Этот единственный рукописный экземпляр сделан был по заказу Николая Павловича Рябушинского. И отвезен к нему в Москву в редакцию „Золотое Руно“. В Москве ахали и удивлялись. А перед отсылкой в Москву мой текст был сфотографирован В. Н. Ивойловым (Княжнин), он достал фотографический аппарат и увековечил. Негативы взял к себе П. Е. Щеголев, обещал сделать оттиски, да так и не собрался и памяти у меня никакой не осталось».⁶⁶ Сопоставляя содержание письма Сомова и процитированный фрагмент ремизовской автобиографической прозы, заметим характерную подмену имени заказчика — представителя именитой купеческой династии, известного банкира, старообрядца и историка старообрядчества Владимира Павловича Рябушинского — именем одного из его многочисленных братьев — Николая Павловича Рябушинского. Умышленно или действительно Ремизов запамätовал, кто был реальным заказчиком эксклюзивного списка «Табак», остается загадкой.⁶⁷ Очевидно другое: идея беспрецедентной по исполнению рукописной книги могла исходить только от Николая Рябушинского — издателя изысканного символистского журнала «Золотое руно», единственного из выходцев этой многочисленной семьи, отошедшего от предпринимательской деятельности и сделавшего имя в сфере меценатства и литературы. Ему, несомненно, был известен и раритетный тираж печатной книги «Что есть табак» с иллюстрациями К. А. Сомова, изданной в количестве 25 именных экземпляров. Не исключено, что и заказ предназначался именно для него, хотя и оплачивался богатым братом.

Коллекционный аромат заказному артефакту, конечно, придавали оригинальные рисунки видного представителя объединения «Мир искусства». Однако и Ремизов к 1910 году уже прослыл в литературно-художественном мире искусным каллиграфом, мастерство которого признавалось и таким непревзойденным графicom, как Сомов. Еще в начале знакомства он оценил ремизовское владение рукописными шрифтами, когда в письме от 20 декабря 1905 года искренне отозвался о графическом исполнении записки, приложенной Ремизовым к некому подарку: «Вы меня несказанно тронули Вашим подарком и милыми, добрыми словами, с которыми Вы мне его препроводили! Выведенный Вами „рондо“ удался Вам на славу!»⁶⁸

Ремизов проболел пневмонией еще больше месяца и вернулся к работе только 14 февраля.⁶⁹ Следуя традиции русской рукописной и старопечатной книги, он избрал шрифт древнерусской скорописи — полуустав, а каждую главку своей повести начинал с изящно декорированной буквицы. По поводу подбора цвета и материала художник адресовал «писцу» подробные рекомендации: «Для заглавных букв

⁶⁵ РНБ. Ф. 634. № 207. Л. 14—14 об.

⁶⁶ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 230.

⁶⁷ Аберрация памяти писателя ввела в заблуждение многочисленных комментаторов этого сюжета из его биографии.

⁶⁸ РНБ. Ф. 634. № 207. Л. 1.

⁶⁹ В письме Рязановскому, отправленному в этот день, Ремизов сообщал: «Сейчас сажусь переписывать Табак для Рябушинского» (РНБ. Ф. 634. № 31. Л. 3).

берите акварельную красную Vermillion или Minium. Первая красно-розовая, вторая с оранжевым оттенком. Обе можно иметь у Крика. Minium фабрики Anreiter, Vermillion фабрики Newman или же Windsor and Newton.

Развести краски во всю их силу.

Если у Вас будет сомнение относительно этих заглавных букв — пришлите мне на клочке той бумаги образец одной буквы, нарисованный той и другой краской. Нет, я думаю, у вас сомнения не будет». ⁷⁰

Уже через два дня Ремизов отправил своему наставнику эскизы букв с использованием рекомендованных оттенков акварели и получил одобрение: «Оба тона хороши. Пожалуй, более темный (буква С) красивее. Густоты достаточно хорошо, делайте так, чтобы не сквозила бумага. Чернила — encre de Chine (черный) — хороши фабрики Windsor и <sic!> Newton' a — Вашу „Ernest Martin'a" не знаю. Чернила должны быть несливающиеся. Сшивать теперь не надо, это сделает в Москве переплетчик». ⁷¹ К 18 марта работа над текстом была завершена. 22 апреля Сомов сообщил, что приступил к наклейке своих иллюстраций на отдельные листы аналогичной с рукописью бумаги. ⁷²

Так, благодаря заказу, очевидно, оказавшемуся весьма своевременным ввиду финансовой пропасти, в которую Ремизов медленно погружался в начале 1910 года, появился на свет первый и единственный в своем роде ремизовский артефакт — рукописная книга, а собственно ремизовское искусство каллиграфии и графики стало предметом коллекционерского интереса. В дальнейшем к подобному способу заработка он будет прибегать в пореволюционные годы, когда рукописная книжность вновь заступит на смену Гуттенбергову станку, ⁷³ и в эмиграции, где им было создано множество альбомов с авторскими рисунками и каллиграфическими копиями фрагментов собственных книг. Доступный способ выживания для нищего писателя-эмигранта, — скажут прагматики. Однако заметим, что, читая списки альбомов, составленных Ремизовым в 1935 году, ⁷⁴ не возникает сомнений, что авторские рукописные книги и альбомы были тем утолением страсти к рисованию и письму, которое стимулировалось спросом среди собирателей и ценителей его редкого таланта, но являлись неотделимой и даже необходимой частью его литературного творчества, позволяющей выразить через графический жест моменты свободного полета творческого сознания.

Забавно, что в среде художников, близких к кругу объединения «Мир искусства», Ремизову и самому нравилось эксплуатировать игровую роль каллиграфа. Так, знакомство с Б. К. Кустодиевым, по сути, началось в 1907 году с посланной художнику рукодельной визитной карточки, на которой Ремизов искусно вывел: «Алексей Михайлович Ремизов / Хитраго письма писец». ⁷⁵ Тогда же, по-видимому, Кустодиев сделал наброски для портрета Ремизова сангиной, ⁷⁶ а спустя три года, в 1910 году, началась работа над скульптурным портретом писателя, которая sporadически длилась с апреля по ноябрь включительно. За это время между моделью и скульптором завязались дружеские отношения, согретье присутствием в семье Кустодиевых маленьких детей, о которых в рассказе 1912 года Ремизов напишет: «У меня есть два маленьких приятеля Иринушка и Кира, брат с сестрою». Особенно трогала сердце писателя маленькая Ирина, напоминавшая ему дочку Наташу, оставленную на воспитание родственникам Серафимы Павловны в Берестов-

⁷⁰ РНБ. Ф. 634. № 207. Л. 15—15 об.

⁷¹ Там же. Л. 16—16 об.

⁷² Там же. Л. 18 об.

⁷³ См. об этом, например: Богомолов Н. А., Шумихин С. В. Книжная лавка писателей и авторграфические издания 1919—1922 годов // Ново-Басманная, 19. М., 1990. С. 94—95, 101.

⁷⁴ Рукописные и иллюстрированные альбомы А. Ремизова // Новь. 1935. Сб. 8. С. 200—202 (авторский список рисунков, состоящий из 157 пунктов).

⁷⁵ ГРМ. Ф. 26. № 34. Л. 1.

⁷⁶ Портрет хранится в Государственном литературном музее (Москва).

це. Бронзовый бюст был отлит в конце года и вскоре фотография с этой работы Кустодиева появилась на почтовых карточках, которые писатель рассылал своим знакомым и друзьям.⁷⁷ Таким образом, судьба со свойственной ей иронией готовила Ремизова к встрече с литературной славой, осенью 1910 года, наконец, распахнувшей ему свои теплые объятия.

* * *

Контекст писем Ремизова к Серафиме Павловне за 1910 год, составивших главу рукописи «На вечерней заре», отражает июльские события творческой жизни писателя. В этот период его личная ситуация, напоминая, скорее, существование от одной неприятности до другой, нежели независимую творческую жизнь, постепенно стала меняться к лучшему. В поисках гонорара, способного покрыть необходимые расходы на летнюю поездку к дочери на Украину, поправку собственного здоровья и возможность смены квартиры, писатель подготовил к печати сборник собственных произведений, озаглавленный по названию самого нового из них — «Неуемный бубен и другие рассказы». Его проект был разослан сразу по нескольким издательствам. Это предложение после переговоров с автором принимают М. О. Гершензон и С. И. Копельман с условием, что «А. Ремизов обязуется довести количество материала этой книги до двенадцати печатных листов». Договор с «Шиповником» был датирован 1 июня. С этого времени писатель принял за выполнение обязательство, хотя состояние здоровья в это время оставляло желать лучшего. Весеннее обострение язвы желудка заставило его даже пройти курс лечения (с 1 по 30 июня) в санатории М. М. Волковой, располагавшемся среди озер Карельского перешейка (Финляндия, Выборгская губерния, волость Уусикиркко, деревня Тур-Киля). Здесь, в санатории, Ремизов приступил к работе над новой вещью с сюжетом «из петербургской жизни» под названием «Крестовые сестры». Невнятные образы будущего рассказа, как первоначально определял жанровую форму Ремизов, возникали в его творческом сознании еще в конце 1909 года.⁷⁸

В своем бедственном положении больного и терпящего финансовые трудности писателя Ремизов не был обделен дружеской поддержкой: на летние месяцы он получил сразу два предложения совместного отдыха, которыми благополучно воспользовался для комфортной работы над «Крестовыми сестрами». В июле писатель отправился в родовое имение Е. В. Аничкова Ждани, расположенное в Новгородской губернии, близ города Боровичи. Творческие контакты с ученым-филологом, фольклористом, медиевистом, завязавшиеся в 1905—1907 годах, опирались на интерес Ремизова к исследованиям по сравнительной мифологии, которой занимался Е. В. Аничков как талантливый ученик А. Н. Веселовского, основателя этого направления отечественной филологической школы. Текст повести был написан вчерне, по-видимому, очень быстро (во время пребывания в санатории), но проработка характеров, организация повествовательного строя, сюжетные линии подвергались многократной переделке. Ремизов работал по 18 часов и «очень изморился», как признавался в письмах И. А. Рязановскому, которого держал в курсе своих летних занятий и перемещений. Однако надо заметить, что творческие планы писателя не ограничивались только сочинением рассказа. Тогда же Ремизов, готовясь в скором времени писать новую драму о Егории Храбром, начитывал тексты фольклорного эпоса и научные труды о древнерусских памятниках литературы. Одновременно он размышлял над следующей повестью с главным героем, которого уже именовал Бородаевым.⁷⁹

⁷⁷ В частности, такая карточка сохранилась среди писем Ремизова И. А. Рязановскому (РНБ. Ф. 634. № 31).

⁷⁸ См. письмо от 30 ноября 1909 года (На вечерней заре 1909-2. С. 183—184).

⁷⁹ Как описывал в это время свой замысел Ремизов, «рассказ (...) ведется от первого лица — человека склонившегося. Если мне удастся этот склоненный человек и все его сестры,

В конце месяца Серафима Павловна вернулась из Берестовца, и переписка супругов прервалась. До конца года все их путешествия были совместными. 30 июля они прибыли на финский остров Вандрок. Идея уединенной жизни на лоне природы принадлежала Иванову-Разумнику, который так же, как и Пришвин, принимал деятельное участие в судьбе Ремизова, начиная со злополучного лета 1909 года.⁸⁰ Проницательный историк литературы, Иванов-Разумник распознал в писателе сильный и самостоятельный талант. Кроме того, он находился под обаянием чисто человеческих черт характера Ремизова. С одной стороны, своеобычность внешнего и внутреннего образа писателя, его душевная ранимость и вместе с тем ироничность, внимательность к деталям, с другой, — аналитический склад мышления Иванова-Разумника, присущий ему романтизм и невероятная чуткость в отношении творческой личности, — все эти свойства создали между ними поле взаимного притяжения и интереса.⁸¹ На Вандроке Ремизов принял за окончательную (пятую по счету) редакцию повести. Покидая остров 20 августа, он оставил рукопись на прочтение своему компаньону. Уже 22 августа писатель получил взволнованное письмо с первыми впечатлениями: «Ваши „Крестовые сестры” все не идут у меня из головы — писал Иванов-Разумник, — пришибли Вы меня ими; давно не приходилось читать ничего подобного».⁸²

По возвращении в Петербург Ремизов предложил свою повесть в альманах «Шиповник». 28 августа Гржебин, написав короткую записку («Дорогой Алексей Михайлович, Повесть Ваша нам всем очень нравится»), фактически дал согласие на публикацию. Альманах увидел свет 17 сентября. А на следующий день, 18 сентября, Ремизовы въехали в свою «первую человеческую»⁸³ квартиру на Таврической ул., д. 3-В. Можно сказать, что «Крестовые сестры» были опубликованы, едва успели просохнуть чернила в рукописи, и все в жизни писателя стало меняться как по волшебству. Позднее в своих воспоминаниях он назовет этот эффект «магией „Крестовых сестер”».⁸⁴

Повесть еще не вышла в свет, а Иванов-Разумник принялся сразу за несколько статей, заранее договорившись с редакциями известных печатных органов. Однако запланированные публикации столкнулись с обстоятельством, которое можно назвать курьезным. Совершенно неожиданно для критика его совместное с Ремизовым пребывание на Вандроке стало известно широкой публике, благодаря появлению в печати небольшой анонимной заметки, явно написанной со слов писателя: «А. М. Ремизов, проведя некоторое время в течение этого лета в Финляндии, поселился на небольшом пустынном острове Вандрок (в группе Аландских островов) в нанятом доме, в семействе г. Иванова-Разумника. Остров совершенно безлюдный, жителей — один рыбак. Густой лес, скалы и песок. Много грибов и брусники и... ни следа цивилизации. Нет ни почты, ни лавок, ни аптеки, ни врачей. Провизию добывали с мимо идущих пароходов. За лето А. М. Ремизов написал большую повесть „Крестовые сестры”, которая пойдет в ближайшем альманахе „Шиповника”».⁸⁵

Иванов-Разумник был сражен подобным «простодушием» Ремизова и, не удержавшись от упреков, взывал к совести писателя, объясняя, как беспечная выходка то переход будет хорош к Бородаеву» (Письма А. М. Ремизова к И. А. Рязановскому / Публ., вступ. заметка и комм. А. П. Юловой // Серебряный век русской литературы: Проблемы, документы. М., 1996. С. 92).

⁸⁰ Подробнее об этом см.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 159—160.

⁸¹ См.: Там же. С. 157—165.

⁸² Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; Вступ. заметка Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. II. С. 39.

⁸³ Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 198.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Утро России. 1910. 5 сент. № 242. С. 4.

поставила под удар объективность критика: «Сегодня буду браниться с Вами, Алексей Михайлович: ну что это Вы со мной делаете? Мало того, что Ваши „Шиповники“, будь они неладны, не прислали мне корректурных листов „Крестовых сестер“, о чем я их просил; мало того, что статью свою я должен был поэтому написать по памяти (и перепутал, вероятно, не мало), — а тут еще получаю от Вас вырезки из „Утра России“, где встречаю свою фамилию. Зарезали Вы меня этим: теперь статью мою мне в пору хоть назад требовать из „Русск(их) Ведомостей“; так это не вовремя вышло! А ведь как я Вас всегда просил-молил: не поминайте Вы, Бога ради, имени моего в своих беседах с газетными репортерами! Терпеть не могу читать в газетах не о своих книгах, а о себе самом; а тут еще про Ремизова в семье Иванова-Разумника — как раз в то время, когда Иванов-Разумник пишет о вещи Ремизова, написанной в семье Иванова-Разумника... Ну, как же мне не сердиться? И почему Вы не могли рассказать про Вандрок, умолчав обо мне? — Если обещаете впредь со мною так не поступать, то уж так и быть, перестану браниться. А все-таки — подвели Вы меня».⁸⁶ Между тем это был уже традиционный для Ремизова кунштюк — создавать нечто вроде рекламы готовящимся к печати или даже вовсе не существующим произведениям.⁸⁷ Все-таки купеческая жилка и чувство «рынка» давали о себе знать, и писатель не смог не поддаться соблазну проанонсировать свою новую повесть. Вместе с тем этот «практицизм» соединился с уже наметившимся в 1910 году желанием создать автобиографический миф о самом себе.

Как бы то ни было, но критические произведения Иванова-Разумника, конечно, появились в печати. Первой вышла статья под названием «Бурков двор»,⁸⁸ следом за ней — «„Крестовые сестры“». Статья Иванова-Разумника, подписанная: «Август 1910 г. Wandrock», где говорилось, что новая повесть Алексея Ремизова «должна быть признана одним из самых выдающихся произведений последнего времени».⁸⁹ Наконец, в «Речи» была напечатана работа обобщающего характера под названием «Между „Святой Русью“ и обезьяной (Творчество Алексея Ремизова)».⁹⁰ Сиделец пегропавловской крепости П. Е. Щеголев, как филолог и историк литературы не часто расточавший своему товарищу по революционной юности комплименты, отозвался из своей «камеры-кабинета».⁹¹ Хорошо зная Ремизова, он пронизательно заметил связь между ухудшением обстоятельств жизни и творческим взлетом, констатировав, что получилась «вещь капитальная»,⁹² поскольку была выстрадана в череде обрушившихся на Ремизовых невзгод, нашедших детальное отражение в тексте этого произведения: «...прочел я третьего дня „Крестовых сестер“. Поздравляю Вас: вещь хорошая и богатая. Я даже укусил бы Вас за обилие богатств, закрывающих внутреннее содержание. Очень интересно, а главное знаменует прогресс в Вашей работе. А у нас совсем нет писателей, которые прогрессировали бы! Хотел исполать Вам за язык. Видно, что пошли Вам на пользу и книжки, и Казачий переулоч (<...>».⁹³

«Магия „Крестовых сестер“» набирала силу день ото дня. Успех повести способствовал кардинальному изменению издательских планов «Шиповника». Вместо

⁸⁶ Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.). С. 42.

⁸⁷ См., например: [Б. п.]. (Заметка) // Новая Русь. 1908. 10 сент. № 26. С. 5 (о создании Ремизовым рассказа «Подарок Турецкому Султану»); [Б. п.]. (Сообщение) // Межа. 1908. 20 окт. № 1. С. 3 (о скором выходе сказки Ремизова «Царь Додон» с рис. Л. С. Бакста), и др.

⁸⁸ Русские ведомости. 1910. 17 сент. № 213. С. 2—3. Дата публикации статьи соответствовала дню появления повести в 13-й книге альманаха «Шиповник».

⁸⁹ Киевские вести. 1910. 21 сент. № 253. С. 2.

⁹⁰ Речь. 1910. 11 окт. № 279. С. 2—3.

⁹¹ О том, как обстоятельства тюремного заключения парадоксальным образом способствовали продвижению филологической работы Щеголева, см.: *Измайлов Н. В.* Воспоминания о Пушкинском Доме. 1918—1928 гг. / Публ. и комм. Н. А. Прозоровой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1998—1999 год. СПб., 2003. С. 314—315.

⁹² РНБ. Ф. 634. № 243. Л. 7 об.

⁹³ Там же.

сборника «Неуемный бубен и другие рассказы» Гржебин и Копельман 10 октября составили договор на издание восьмитомного собрания сочинений Ремизова. До 1912 года «Шиповник» обязался выпустить в свет первые шесть томов тиражом 3000 экземпляров. Договор действовал до 1918 года.⁹⁴ В декабре были отпечатаны первые два тома рассказов.

Думается, что лично для Ремизова самым ценным было мнение о его «Крестовых сестрах», высказанное Л. И. Шестовым, которого он считал своим ближайшим другом. В письме, отправленном Ремизову по прочтении этого произведения, философ лапидарно сформулировал авторскую идею — «задумана-то повесть *Sub specie aeternitatis*», а написана «вся-то вещь для взрыва».⁹⁵

Значение «Крестовых сестер» в контексте личной биографии писателя трудно переоценить. Создание произведения, в центре которого оказался оклеветанный человек, имеет прямые коннотации с инцидентом 1909 года — обвинением в плагиате — и до известной степени было продиктовано желанием изжить пережитую душевную травму.⁹⁶ Внутренняя связь с экзистенциальной философией Шестова определила и основной сюжетобразующий мотив повести, который в свое время был сформулирован в книге «Апофеоз беспочвенности»: «Думать, настоящим образом думать человек начинает только тогда, когда он убеждается, что ему *ничего делать*, что у него руки связаны. Оттого, вероятно, всякая глубокая мысль должна начинаться с отчаяния».⁹⁷ Экзистенциальный взрыв, заложенный в новом произведении Ремизова, отразил не только глубочайшее потрясение, пережитое писателем летом 1909 года, но и обнаружил в 1910 году явление внутренне окрепшей творческой личности, созревшей для одиночества в литературе и свободы индивидуального выбора — как писать и что писать.

В 1910 году и для Серафимы Павловны началась совершенно новая стезя — она поступила в Императорский Санкт-Петербургский Археологический институт, и научная деятельность вытеснила из ее сознания тоску и тревогу, возникшие прежде в поисках своего назначения в жизни.⁹⁸ Ее профессиональные знания специалиста по древнерусской палеографии стали в дальнейшем подспорьем и Ремизову в его творческой работе. Вместе с женой писатель погрузился в изучение памятников древнерусской письменности и вдруг обрел новый источник вдохновения — сакральный язык древних славян — глаголическое письмо. Сначала он начал рисовать причудливые литеры, затем, штудирюя все нюансы изменений в их начертании, переписывал фрагменты старинных рукописей, еще не предполагая, пригодятся ли ему эти знания. Радостное желание быть полезным Серафиме Павловне было единственным мотивом этой новой страсти к «букве как таковой».⁹⁹

* * *

Глава из рукописи «На вечерней заре» и оригиналы писем Ремизова за 1910 год печатаются по автографам, хранящимся в Государственном литературном

⁹⁴ См. текст договора, сохранившийся среди писем С. Ю. Копельмана Ремизову (РНБ. Ф. 634. № 129. Л. 10).

⁹⁵ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступ. заметка, подг. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 4. С. 93—94.

⁹⁶ Подробнее см. в комментарии И. Ф. Даниловой к тексту повести: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2001. Т. 4: Плачужная канава. С. 481—498.

⁹⁷ Цит. по: Шестов Л. Собр. соч. Paris, 1971. Т. IV: Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. С. 130 (фотографическое переиздание 1911 года).

⁹⁸ Подробнее об этом см.: Грачева А. М. А. М. Ремизов и древнерусская культура. СПб., 2000. С. 75—78.

⁹⁹ Об этой работе свидетельствует тетрадь глаголических штудий писателя, сохранившаяся в его личном архиве (РНБ. Ф. 634. № 16). Подробнее об этом документе см.: Грачева А. М. А. М. Ремизов и древнерусская культура. С. 78.

музее (Ф. 156). Тексты воспроизводятся в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации с сохранением характерных особенностей ремизовского синтаксиса и написания отдельных слов, в редких случаях с восстановлением необходимых знаков препинания в угловых скобках. В примечаниях персоналии, откомментированные в предшествующих публикациях глав (1907—1909), не поясняются.

ПЕТЕРБУРГ

1910

«Крестовые сестры»

Петербург 1910

9 марта

Вот сижу один, и из головы не выходят мысли о том, что ты отчаиваешься и успокоиться не можешь от каких-то недовольств, Бог знает, кого.

Но во имя того, что ты сама по себе, всегда была, есть и будешь, во имя достоинства своего и своего резкого различия из тысячи, собери, напряги свои силы и носком ботинка отбрось от себя все это лезущее с коготками и бранью. Уже потому, что ты сама по себе, это человеку не прощается, и вот вымещают из своего ничтожества.

А то, посмотри, ночью ты мучаешься и боишься. Из-за чего? И кого? Кого бояться? Тебе не надо никого бояться. Не я должен тебе напоминать, не я, ты сама это лучше знаешь.

Нет, никогда не будем жить под скорлупою. Стоит только подлезть под нее, и уж хочешь-не-хочешь, придавишься, согнешься. Нет, нет и нет! Всегда сами по себе, пускай со всеми неприятностями, но не поддаваясь, не уступая — во имя своего отличия из тысячи одинаковых.

Убеждаю тебя, прошу, собери силы, взгляни с высоты своей, ударь крепко, как ударяешь кулаком по столу, и настойчиво: как и кто смеет?

[С. П. была очень чувствительна и часто расстраивали ее всякие мелочи, на которые при ее воле просто не надо было обращать внимание. Всякие пересуды, сплетни, которым и веры-то никакой придавать не следовало, ее будоражили. Мне это было непонятно, и никак я не мог помириться, странным казалось, такую силу — а бередят пустяки. А сколько было ночей — как мучилась, и мое бессилье разговорить.]

Петербург 1910

18 апреля

На карточке с рисунками — с шаманского бубна.

Поздравляю тебя, христосуюсь с тобой.

Все искал по комнатам, нет ли чего-нибудь у нас, что бы ты не знала, взять и подарить тебе. Ну, хоть что-нибудь подарить тебе, единственному человеку в мире для меня.

Вот и пишу тебе это письмо: «Христос воскрес!»

Рисунки: зверь-конь (красный); человеки — семеро, у крайних руки в боки (черные); еще человеки, семеро (но красные); черный зверок; стрелок с луком (черный); две лягушки-квакушки (черные); змея (красная) и другая черная; две ветки (черные).

Петербург 1910

8—9 июля

Досидел я до 3-х ч(асов), все «Иуду» (Трагедия)¹ поправляя и ложусь, не кончив.

Пришел я домой, чай с хлебом выпил и за «Иуду», с тех пор и сижу. Туман над Петербургом, я окно закрыл.

А ты едешь² и, может, один раз заснула крепко, а если не совсем крепко, собираешься. Не поссорилась ли со своим соседом. Свисток свистит далеко где-то, это должно быть поднимаются на работу. А мне спать пора.

Я очень заволновался. Укладывался. Кажется, немного осталось: только запечатать, и готов. Поднялся я рано — в 9-ь ч(асов) и голова болела. И все-таки встал, очень хотелось мне все сделать. Голова не болит. А как я исчеркал «Иуду» (Трагедию). Вижу, не будет у меня 12-и листов, дай Бог, 11-ь.³ И решил вставить после сказок еще «Цепь златую»: 1) Николу, 2) Диоклетиана, 3) Братца, 4) Властелина, 5) Змею, 6) Злоубийцу, 7) Страсти, 8) Светло-Христово воскресенье.⁴

Вот над этим сидел, да и еще посижу до поезда. Тоже вычеркивал много. Потом это войдет в «Лимонарь» [VII т. Собр. соч.],⁵ а теперь хоть сюда [Предполагавшееся издание «Трагедии о Иуде»].

Никто не был у нас. От Д. Е. Жуковского открытка из Судака, чтобы я корректуру сделал.⁶ Это он о вчерашней, которую я уже отправил. А еще от Яр (далее нрзб.)⁷ письмо, посылаю, не вскрывая, тебе интересно...

А ты еще все едешь. Скоро спать ляжешь. Напиши, как доехала. А я волнуясь страшно. Видишь, и почерк волною. Завтра напишу уж из Жданей [Ждани, Новгородской губ(ернии)]. Имение Е. В. Аничкова.⁸

Видел во сне Л. И. Шестова: не пришлет ли денег?

Не забывай, пиши мне.

Адрес Валентины Алек(сандровны) Шалауровой: Старый Петергоф. Новые места. Бабаевский переезд. Дача доктора Игнатьева. Л. К. Шаворонковой, для В. А. Ш.

ЖДАНИ

Боровичи, Новгородской губ(ернии)

Е. В. Аничкова

1910 г.

«Крестовые сестры»

У Иванова-Разумника

Аландские ост(рова)

о. Вандрок. 30. VII. — 20. VIII. 1910 г.

Ждани 1910

10 июля

Без ¼ 2(-)а. Только что отзавтракали. Я водворился в комнату. Во двор к воротам. Все березы по забору. А против — древняя Аничковская церковь и часовня.⁹ Мне это очень понравилось.

Евг(ений) Вас(ильевич) Аничков сказал, что письма надо готовить к завтраку — к 1-у. А это письмо пойдет только в 4 ч(аса).

Приехал я на вокзал за час, а Аничков за ¼ часа. Аничков все-таки европеец. [За все свои годы за границей я заметил, что здешние «европейцы» забираются на

вокзал не то, что за час по-московски, а за 2].¹⁰ Поехали в отдельном купе I-го класса, мне это впервые, до 2-х ч(асов) Аничков рассказывал — говорить ему, что мне чай пить — а с 2-х до 8-и спали непробудно. И какими судьбами через нас контроль прошел, ничего не помню. А во сне видел З. Н. Гиппиус — это плохо.¹¹

«Ждани» — не похожи ни на Берестовец,¹² ни на Ольховый рог [Имение Веры Степа(новны) Гриневиц, у которой в 1909 г(оду) мы прожили две недели],¹³ все по-своему: и дом и сад и службы.¹⁴ Каменная церковь чего стоит! Но очень мне нравятся березы — такой зеленой густоты и свежести, вот брызнет и зальет оделоном.

Видел знаменитую Ольгу Петровну, мать Аничкова.¹⁵ Аничков говорлив, а Ольга Петровна пуще. На сына она смотрит, как на любимого шалуна, и он почтительно выслушивает все ее пространные наставления, содержание которых сводится к «само-собой-разумеется». Ни на одну аксиому он не возражает. Конечно, это любовь, но и воспитание: «аристократ».

С Ольгой Петровной, мне кажется, я буду мало общаться, дай-то Бог, я буду сидеть в этой комнате: она напоминает мне мою камеру № 89 в Таганской тюрьме — в Каменщиках [18. XI — 24. XII. 1897 г(ода)].¹⁶

И ты теперь приехала. Напиши, пожалуйста, как все у тебя.

Много тут книг, могу позаняться.

Напишу тебе сегодня вечером.

Ждани 1910

10—11 июля

Вот уж я и соскучился по тебе. Покликал-покликал, — нету. И начинается эта «скука»: нет-и-нету, и ничего не поделаешь, а и примириться не хочешь, что «нету».

Кончил поправлять I-ую главу «Крестовых сестер», примусь — за II-ую.

Ну, как тебе сказать, Ольга Петровна в миллион тысяч раз сноснее «Вши».¹⁷ [Под таким именем известны были дамы, всюду сующие свой нос, «мещанки-кумушки», впрочем, и не только в Петербурге: этим «вшам» извода нет и водятся они повсеместно, конечно, и в Париже]. Старая взбалмошная барыня, умная, но каким-то умом не «практическим», ничего общего с матерью Пришвина (по его рассказам)¹⁸ — барыня(-)«философка». А наш Ев(гений) Вас(ильевич) Аничков оказался очень «требовательный» — в доме он хозяин, а (не) Анна Митрофановна.¹⁹

С детьми (сын и дочь Аничкова) занимается ледащая²⁰ барышня. Должно быть выбрали такую от соблазна: сам ведь очень неустойчив.

Ждали сегодня гостей — жену какого-то камергера, соседка, и не приехала. И хорошо. Газету Аничков забыл мне оставить. Пожалуй, и то хорошо.

С 12-и все спят. Тихо в доме и кругом тихо. Там у тебя (в Берестовце) лягушки либо кузнечики, а тут — ничего, тихо по-ночному.

Ничего не случилось. Жду от тебя вестей. Как доехала? До свидания.

Ждани 1910

11 июля

Ольга

11 ч(асов) д(ня)

Во сне Бор(ис) В(икторович) Савинков: какой-то скандал должен произойти.²¹ Но что же может быть?

Поднялся в ½ 9-го. Перечитал I гл(аву) Крестовых Сестер, поправлять буду. Горничная принесла молока и масло. По утрам до завтрака я не буду спускаться из своей камеры.

Я один в доме, все ушли к обедне. Обедня тянется уж чересчур долго. Именины — настоящие именины. Между березами над воротами — ворота низкие, тесовые — дубовая гирлянда и дубовый венок — имениннице.

Все очень изнаряжены — всех видел, как к обедне шли: и Ольга Петровна и Анна Митрофановна и дети и леядящая и «сам».

Завтрак не в час, а <в> 12-ь. Потому и письмо придется отдать раньше.

А газеты оказались от 9-го; вчерашние получатся сегодня.

Возвращаются: дети, леядящая, Анна Митрофановна и Ольга Петровна, ее ведет сам. Полное довольство: обедню отбыли — по-мо-ли-лись! А хорошо так, должно быть, жить на свете!

Ждани 1910

11—12 июля

Угомонились, слава Богу, и все полегли спать.

Аничков показывал мне сегодня свои владения. Он сказал мне, будто я не день, а месяцы у них, так, значит, он привык ко мне. И я подумал «и вправду, месяцы живу и не замечаю дней».

Сегодня исключительный — именины.

С 12-и началось торжество: угощали батюшку. С лица на Ивойлова [Княжнин Вл(адимир) Н(иколаевич)],²² патлатый и замухрыщчатый <sic!>. Когда они уехали, я пошел к себе заниматься — II-ую часть «Крестовых сестер» отделяваю.

Стали съезжаться гости — на тройках, с колокольчиками очень весело и знатно. Приехала жена брата Евг(ения) Вас(ильевича)²³ с маленькими детьми: Вася и Туся, похожа на Наташу. Лучше бы назвать не Туся, а Летуся, Летуня, Туня [Летавица].²⁴ С Тусей я разговаривал и сказала она мне слов немного, что «стакан не она вовсе разбила» (стакан кто-то разбил, это правда). И точно также про этот стакан она повторила, прощаясь. За кого ее несмышленная душа приняла меня? Не слышно, чтобы другим она про стакан, она затаенно, как только дети, молчала.

Приехал сосед — купец Зотов с «супругою» Антониной Игнатьевной, схожа с Варварой Сергеевной (Ремизовой),²⁵ очень богатые: и как сыто одеты и какая тройка — звери, не кони, я из окна глядел, а думал, копытом затопчут, а какой, встряхнув гривой, распустили звон и до сих пор в ушах колокольчики.

Приехала та важная дама камергерша — по-русски — с растяжкой, а больше по-французски, как завела, а ей наперебой Анна Митрофановна (ученица Анатоля Франса — Иван Странник)²⁶ — Париж! Мне она нашу Вошь напомнила [«Вошь» со складным стульчиком в «Крестовых сестрах»],²⁷ какая-то двоюродная тетка Ев(ения) Вас(ильевича).

Приехал двоюродный брат художник Аничков с женой.

Во 2-м ч(асу) завтракали.

И я опять к себе, в мою камеру. Я устал от людей. Лег и заснул. Разбудил меня Аничков — катать по владениям.

Очень у него все хорошо, только жаль, что лес не его уж, продают. Тут мне вспомнился Зотов: Зотов все может купить. Просидели мы на шведской могиле над Мстою-рекой.²⁸ И домой.

Обед. Тут бы тебе — мороженое какое. Я-то ничего, конечно, не ел, только смотрю: и земляничное, и сливочное и еще, не знаю, как и назвать — орехово-кремовое, шоколад.

Ольга Петровна — именинница. И ей вволю и говорить <и> командовать.

Оказывается, она приятельница Анны Павловны Философовой [урожд. Дягилева],²⁹ «верховая», значит. Нет, ей Бог ж, напрасно ее Евг(ений) Вас(ильевич) к моей «Вши» [Крест(овые) сестры] приравнивал. Она вспоминала о своих именинах чуть ли не со дня своего возникновения — какие встечи, сколько лиц и событий — вся наша история и литература: освобождение крестьян, Л. Н. Толстой, Достоевский, И. С. Аксаков.

Аничков много лет был в ссоре со своей матерью и только в этом году они помирились (как Анна Митрофановна вернулась из Парижа и поселилась в Жданиях).

И вот она гостит у него в Жданных и очень рада, а он, как я писал тебе, покорный сын, выслушивающий безропотно всякий вздор всезнающей, простившей ему все проказы, любящей матери.

А какое шампанское пили, от этого я уже не мог отказаться. Я думаю, если не Пушкинских времен, то уж наверно, Герцен—Бакунин—Грановский таким вдохновлялись, а раскупоривал шампанский мастер Кетчер.³⁰

На воле стало свежо. И я опять ушел к себе, в свою камеру. Получились газеты от 10-го. Холера прибывает. Да еще сообщение: 300-летие дома Романовых будет в 1913 г(оду,) и по этому случаю объявят «всеобщую амнистию».

В 11-м опять спустился на террасу. Чай. Подали пирог — никогда не видал: постарался старый Аничковский повар — представь себе пирог со взбитыми сливками, а никаких сливок на глаз не заметишь, не по пирогу, а в пироге, есть неприлично, а на вкус, весь съел бы.

Думал сегодня, не пора ли заговорить с Аничковым о деньгах мне на отъезд. Как только получу от тебя, приедешь ли ты 20 или 21-го в Петербург, тогда точно выясню и свой отъезд, чтобы все приготовить.

Р. В. Иванова-Разумника надо будет предупредить о билетах. [На Аландские острова, остров Вандрок].³¹

Скучно мне без тебя. Очень тут все «культурно» и нет никакой назойливости, всегда предупредительность. Да все это не то, скучно без тебя. И пожаловаться никому. А то еще, вот после прогулки приходили на ум разные добавления к I-ой главе [«Крестовых сестер»], сейчас бы тебе рассказал. А кроме тебя, никому не расскажу. Как-то ты живешь там? С нетерпением жду от тебя письма.

Ждани 1910

12 июля

½ 1-го д(ня)

Проснулся ½ 10-го. Вскочил. Вижу во сне, какой-то техник у меня адрес мой спрашивает. А я забыл, у какой хозяйки живем мы. И все помню, М(алый) Казачий пер. 9 кв. 34,³² а как хозяйку зовут, ну, хоть убей, из головы вон, забыл. И вот я пишу ему на лоскутке, из тетради выдернул, пишу карандашом: «Марья Гавриловна Ремизова». И вскача (sic!), просыпаюсь.

«Марья Гавриловна Сущинская [Зина в «Оле»],³³ а причем же Ремизова?»

Много натерпелся с одним местом: три раза подступал и все занято — «черствые именины»!³⁴ И как я вспомнил наш М(алый) Казачий, нашу квартиру и весь «уют». Вот почему я не люблю чужой дом.

Отделяваю II-ую часть (Крестовых сестер).

Да, вчера был фейерверк: весь сад в золотом дожде. Но я не выходил: очень холодно. Я не забну, у меня фуфайка на мне.

Ждани 1910

12—13 июля

1 ч(ас) н(очи)

День прошел благополучно. После завтрака занимался II-ой главой «Крестовых сестер»; завтра, должно быть, кончу. Перед обедом читал Аничкову из «Золотой Цепи». Надо бы от него имена узнать апокрифические.

За обедом кипяченые сливки с румяной пенкой, такие осенью бывают листья — виноград. И опять за Крестовые сестры. А между — читаю духовные стихи Варенцова,³⁵ все хочу прочитать.

В газетах: отец-дьякон дочь свою изнасиловал, дьяконицы ему было мало, так объясняет корреспондент; а 8-ий мальчик, напившись пьяный (sic!) или напоили,

убил свою 3-ю сестру и няньку 14-и летнюю — это я понимаю, жаль не укокошил 20-и летнюю кухарку и 80-и летнюю (sic!) бабушку заодно.

Вышел Совр(еменный) Мир. № 7. В «Речи» продолжение Чуковского о Леониде Андрееве.³⁶

Жду от тебя письма. Еще ни одного не было. Думаю написать Р. В. Иванову-Разумнику. Холера $50 + 39 = 89$. А в Феодосии, там совсем плохо. Мрут без счету и считают больше некому: погиб весь медицинский персонал и ветеринары.

Прошла гроза и ливень. Вот и все.

Кажется, так много времени с 8-го, соскучился я по тебе (а не «за тобой», как у вас говорят). Так-то, так-то.

12 ч(асов) д(ня)

Поднялся в 8. Чай пил у себя, молоко — у себя. И только к завтраку вниз. Написал о Клоуне и его брате, взялся за Адонию Ивойловну, пушу и в эту главу Акумовну (Крестовые сестры).³⁷ Хорошо бы сегодня кончить. Через неделю 20-ое. Получу ли от тебя письмо. Жду с нетерпением. До свидания.

Ждани 1910

13—14 июля

2-й ч(ас) н(очи)

Сидел-сидел сегодня и только до окончания главы дошел. Или и вправду, сиднем-сидя далеко не дойдешь? Пугает меня моя медлительность.

Водил меня Аничков, усадьбу показывал: огород, оранжерею, конюшню, и в кухню. И к дубкам — длинная аллея, дубовая будет.

К обеду приехал тот двоюродный брат Е(вгения) Вас(ильевича), мы встретили однажды в трамвае (—) Дмитрий Иванович.

Родословие Аничковых и что у них замечательного хранится. По его словам, из более древних: панагия Петра Митрополита, Ковш — от самого Ивана Калиты подарок. Не перехватил ли? И панагия и Ковш из собственных рук?³⁸

Один из Аничковых археолог,³⁹ а на съезде 1911-го (года) в Новгороде и Евг(ений) Вас(ильевич) будет участвовать.⁴⁰ Нам (надо) с тобой проехать на этот съезд.

Завтра заведу разговор о деньгах на дорогу. У меня, ведь, ничего — ни копейки.

От тебя нет писем, так бы мне удобнее было начать: «получил письмо, пишет...»

Газеты не пришли почему-то и что на свете делает(ся), кто кого бьет или убил или собирается убить, ничего не знаю.

Когда-то съедемся (sic)!

Ждани 1910

14 июля

½ 1-го

Все уехали за 3 версты лошадей смотреть. А мне чего смотреть — для меня все лошади — кони, на которых или катаются и(ли) катят. Пасмурно, дождик накрапывает. Ночью — всю ночь дождик шел.

Получу ли я сегодня письмо от тебя?

С утра, как поднялся, и все время над Акумовной («Крестовые сестры»). Сны ее отделяваю. Едва ли кончу всю главу.

До 19-го пять дней. Почти уверен, что ты приедешь. И 20-го будем вместе.

Очень меня мучает, как начать о деньгах. И Аничков все время занят с гостями. А пора.

До свидания. Скоро увидимся.

Ждани 1910

14—15 июля

2-ой ч(ас) н(очи)

Нет и сегодня от тебя письма. Уж как я ждал! 2 газеты получилось. Холерных 110 с «подозрительными», детей много.

День прошел в занятиях. А все-таки только ½ Акумовны написал. Трудно очень изображать ее, над страницей корплю ½ дня.

Дождик и гроза была.

Вернулся весь дом позже, чем предполагали. После вечернего чаю Аничков читал свое о «славянах и скандинавах». ⁴¹ Как и все у него сумбурно с выблиском мечущейся мысли.

Говорил с ним, что разговор о отъезде начать не мешало бы. А он, — что 19-го я не уеду, потому что от тебя письма нет. Меня все это очень мучает. Надо денег — хотел бы тебе денег послать. От Котылева ⁴² нет никаких известий. Так меня все это огорчает, сказать не могу.

Ждани 1910

15 июля

12 ½ д(ня)

Во сне видел Веру Глебовну Савинкову [Успенскую, дочь Гл(еба) Ив(ановича)]. ⁴³ К чему она приснилась?

Все думал, не послать ли тебе телеграмму?

Но потом решил: подожду. Если ты написала 12-го, письмо дойдет дня в 3-и, и я получу сегодня или завтра.

Мне кажется, месяц прошел, как ты уехала, а на самом деле совсем пустяки.

Пока все благополучно. Идет все ровно, не вызывает раздражения, я почти не вижу никого. Тебе бы так пожить. А у тебя, наверное, столько всяких историй и огорчений. До свидания. «Акумовну» ⁴⁴ сегодня кончу, и стало быть, II-ую главу.

Ждани 1910

15—16 июля

2-й ч(ас) н(очи)

19-го VII в Петербург. Уж так хочу, чтобы нам вместе в Финляндию [Аландские острова]. А без тебя не поеду. Боюсь, без меня фрукты будешь есть, а холера все увеличивается.

А письма-то все нет от тебя. Очень это беспокоит. Верно, сегодня.

Все дождик, как завеса. Тихий, но беспроглядный. II ч(ась) («Крестовых сестер») кончил.

Лидия Ивановна, воспитательница детей Аничкова, не нравится мне, хоть и молчит, а стало быть, не пустая. До чего это подходит Лидия — Ледящая.

Громкий был скандал. Я бы не знаю, если бы со мной такое вышло, просто я умер бы на месте.

Аничков всю усадьбу обегал, искавши сына и эту Лидию Ивановну. Вздумали они на ночь верхом прокатиться. И пропали. Анна Митрофановна в гости уехала. Аничков хватился, вернется Анна Митрофановна, что ему сказать. Боже мой, какой крик, какая отборная ругань, когда «виноватые» вернулись. В «Униженных и оскорбленных» у Достоевского есть замечание о князе(,) и в правду, откуда у такого воспитанного аристократа такое отборное русское сквернословие, ушам не веришь. ⁴⁵ И это в лицо.

Несчастливая Лидия Ивановна похожа была на драную кошку.

Так день прошел.

Когда-то приедешь? Соскучился я.

Ждани 1910

16-го июля

½ 1-го д⟨ня⟩

Проспал. Проснулся в 10-м ⟨часу⟩.

Во вчерашней «Речи» № 910, 14. VII «Из дневника» Л. Н. Толстого. Как встретил он молодого крестьянина и убедил не пить и этот крестьянин признался, что «не имел греха с женщиной». В этом и весь рассказ. Интересны признания Толстого: от старости, должно быть, говорит он, его все трогает — спазмы душат, плакать хочется от умиления, если слышит хорошее о человеке или от человека. А вывод из его рассказа: крестьяне — такая богатая почва! А их развращают водкой и всяким «развратом». ⁴⁶

Начал III главу («Крестовые сестры»).

Это письмо и не посылать бы тебе, все равно, ты его в Петербурге прочитаешь, но все-таки пошлю.

Какой теплый день и солнечно!

До свидания.

Ждани 1910

16—17 июля

2 ч⟨аса⟩ н⟨очи⟩

Это письмо не пошлю тебе, а передам.

19-го ехать решил в Петербург. Так-то ты обещания исполняешь: письма мне ни одного не написала! [С⟨ерафима⟩ П⟨авловна⟩ не любила писать письма и только вдруг, как начнет писать, и сразу всем ответит].

День прошел в занятиях.

Ждани 1910

18 июля

¼ 1-го

Вчера лег поздно. Кончил III главу («Крестовые сестры»). Очень меня беспокоит, что ничего я не знаю о тебе, все дни ждал, нет ничего. Поправляю написанное.

¼ 3-го

Получил твое письмо от 14-го VII. Спешу послать и письмо и телеграмму. Сейчас на почту едут. Вчера я тебе письма не посылал, потому что решил завтра ехать.

Переговорил с Аничковым: еду в Петербург 25-го. В случае чего немедленно телеграфируй.

Ждани 1910

18 июля

4 ч⟨аса⟩ н⟨очи⟩

Я тут остаюсь на неделю и 26-го VII в Петербург.

Поезд отходит в 9 ч⟨асов⟩ в⟨ечера⟩, а в Петербурге в 6 ч⟨асов⟩ утра. Если захочешь раньше в Петербург, телеграфируй за день, по крайней мере. Адрес для телеграммы: Боровичи, Ждани, мне. Доставят с газетами, почтой, а с нарочным за 75 коп⟨еек⟩ принесут.

Займа не удастся сделать. Ты права. Вексель может быть только с гарантией. Аничков даст мне 30 руб⟨лей⟩ из своих и мы будем ему должны 65 руб⟨лей⟩ (10 + 25 + 30). Попрошу еще 5 руб⟨лей⟩ для «круглого счета».

Как с тобою быть насчет денег: приняться ли мне выманывать сейчас эти 30 руб⟨лей⟩ и послать тебе 15 р⟨ублей⟩ или же ты на дорогу достанешь себе там в долг, сейчас же вышлем. Если нельзя там достать, телеграфируй: «надо прислать».

Плохо дело с деньгами у нас, ой, плохо!

Ты вот как-то сообразила тогда, что не выйдет никакого займа, так оно и вышло. А я ведь поверил себе, в свою удачу.

Написал Котылеву, чтобы меня известил, как с моими вещами. И Иванову-Разумнику, чтобы написал, когда ехать на Вандрок.

Очень жарко. Голова разболелась. Не писал. Гулять ходил на поле с Аничковым. В доме тихо: и Ольга Петровна и Анна Митрофановна уехали в гости.

А как я рад был сегодня, когда письмо твое пришло. А то уж очень стал беспокоиться.

Ждани 1910

19 июля

20'1 ч(аса) н(очи)

Заказал себе марок еще и пошлю Акумовне открытку. Тебя во сне все видел. Начал IV-ую главу («Крестовые сестры»). Трудную. Вновь приходится писать — первая редакция не годится.

До свидания.

Ждани 1910

19—20 июля

2-ой ч(ас) н(очи)

Твое заказное письмо от 14-го VII что-то шло очень долго. Письмо с карточкой Наташи.

Завтра уезжает Ольга Петровна. Будет вольнее. Все-то ее тут ненавидят и тягостятся, а за то, что командует: все до прислуги.

Если тебе хоть сколько-нибудь захочется еще побыть в Берестовце, напиши или телеграфируй, я и еще могу тут остаться: все мне делается и отношения очень хорошие, а я все время пишу и изредка разговариваю.

От мудрости Аничкова: никогда не надо просить, говоря, что, мол, нужно, а надо говорить, мне следует.

Холера увеличивается: 80 и 70 подозрительных. На лотках торговля запрещена. Буду бояться, если будешь есть фрукты.

Повторяю: если вздумашь подольше пожить в Берестовце, поживи, а я без тебя в Петербург не поеду.

О В. В. Кузнецове:⁴⁷ конечно, от всякой лепки можно увильнуть [В. В. Кузнецов потом сделал и отлил огромный мой медный бюст — «садовый» или куда на крышу поставить. Не знаю, где он].⁴⁸ А что мы ему должны, конечно, впредь надо поосторожнее, а то, сама видишь, какие-то права на тебя, изволь, хочешь-не-хочешь, «лепиться».⁴⁹

«Видение батюшки» [в письме С(ерафимы) П(авловн)ы] очень пригодилось. На следующей странице пишу письмо «на случай» Натусе. Если надо, покажи ей, я совсем не знаю, что надо, и чего не надо. Я это от сердца. Тебе виднее.

Вот во сне-то тебя видел и письмо получил. Это называется: «сон в руку».

В «Солнце России» в № 25 напечатан «Чудесный огонь» [«Доука и балагурье»],⁵⁰ объявление в «Речи».

Получил от тебя письмо и успокоился. А то как беспокоился, просто и писать не выходит. Но ты поосторожнее: на жаре вредно тебе, это мне ничего. Да и я сегодня снял фуфайку. Муттеру поздравление напишу(;) именинница — 22. VII,⁵¹ скоро и твои именины. [29. VII]

Ждани 1910

20 июля

12 ч(асов) д(ня)

Видел во сне государя, с государыней идет, как рисуется «Священное коронование». Но о чем я с ними разговаривал, не помню. А потом мы с тобой по Эрмитажу ходим. Все картины и ни одной отчетливо.

Чего-то мне тревожно. Буду продолжать IV-ую главу [«Крестовые сестры»]: о учительнице, ее биографию.⁵² Читаю написанное, делаю вставки.

До свидания. Берегись, от жары прячься.

Натуся,⁵³ моя дорогая деточка, карточку твою получил. Я о тебе, моя Бубунечек, скучаю. Кто тебя так называет и кому ты протягиваешь губки кукуковать? А запятыя ты хорошо ставишь.⁵⁴

Ждани 1910

20—21 июля

Этого письма я не пошлю тебе. Сегодня получил твою телеграмму.

День прошел томительно. Приезжал Пархоменко [художник],⁵⁵ пришлось мне занимать его, Аничкова не было: уехал в город по делам — все лес продает. 30-ть рублей, что дает мне, это «лесовые».

И мало писал. Ходил гулять с Аничковым ко 2-ой шведской могиле.

Ждани 1910

21—22 июля

2 ч(аса) н(очи)

Во сне видел М. А. Кузмина, Е. Зноско-Боровского,⁵⁶ Бурлючку Л. Д.,⁵⁷ Сер(гея) Сер(геевича) Позднякова.⁵⁸ Все это к суете и разговорам впустую.

Ольга Петровна уехала. Холерных меньше. Слушал чтение Аничкова. Завтра и послезавтра, и тогда тебя увижу.

Тороплюсь, хочется мне ну еще немножко написать до Петербурга, хоть V-ую б главу [«Крестовые сестры»].

Ждани 1910

22—23 июля

2 ч(аса) н(очи)

Видел во сне Л. И. Шестова. Шестов всегда к деньгам. Но только откуда? Всем мы должны невылазно.

Весь день писал. А еще много.

Скоро, скоро тебя увижу. Я тут последнее время сливками питаюсь. Впрок.

¹ Речь идет о переработке пьесы «Трагедия о Иуде принце Искаротском» (1909) для несостоявшегося сборника «„Неумный бубен” и другие рассказы», в который, по замыслу Ремизова, должно было войти и это драматическое произведение. Предварительный план будущей книги он изложил в письме к П. Е. Щеголеву от 6 июня 1910 года (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479—1610. Л. 141—141 об.). Об этом сборнике см. также в прим. 3. Подробнее об истории создания пьесы см.: На вечерней заре 1909-1. С. 161—164.

² Подразумевается поездка С. П. Ремизовой-Довгелло в Черниговскую губернию, в село Берестовец — к родным и дочери Наташе.

³ Договор об издании «пестрого», по словам Ремизова, сборника (см. письмо Ремизова П. Е. Щеголеву от 6 июня 1910 года (ИРЛИ. Ф. 627. Оп. 4. № 1479—1610. Л. 141)), писатель заключил с издательством «Шиповник» 1 июня 1910 года. Одним из пунктов соглашения было условие довести объем текста до 12 печатных листов. См. договор с издательством «Шиповник», сохранившийся среди писем С. Ю. Копельмана (РНБ. Ф. 643. № 129. Л. 8—9 об.).

⁴ Сокращенные названия легенд, созданных на основе апокрифических сказаний. О происхождении последних Ремизов писал И. А. Рязановскому 3 сентября 1909 года: «В Казани у

одного знакомого в библиотеке нашел сборник рукописный. Сборник заключает в себе Слово Иоанна Златоустого, Слово Андрея Юродивого, Никодимово Евангелие, Поучение Алексея Александрийского и, наконец, то, что меня наиболее заинтересовало (—) „Слово о некоем властелине Зле”» (РНБ. Ф. 631. № 31. Л. 1). Впервые под общим названием «Цепь золотая» Ремизов опубликовал две сказки «Слово о некоем властелине Зле» и «Притча Златоустого» (Утро России. 1909. 21 нояб. № 39. С. 3). Впоследствии так же он озаглавил раздел сборника «Весеннее порошье. Рассказы» (СПб.: Сирин, 1915).

⁵ Имеется в виду вторая редакция цикла «Лимонарь», которая готовилась для одного из томов предполагаемого собрания сочинений писателя в издательстве «Шиповник» (см.: Ремизов А. Сочинения. СПб.: Шиповник, [1912]. Т. 7: Отреченные повести). Уже весной 1910 года владельцы «Шиповника» З. И. Гржебин и С. Ю. Копельман обсуждали с Ремизовым проект этого издания (см. письмо Копельмана Ремизову от 22 мая 1910 года: РНБ. Ф. 634. № 129. Л. 5). Договор с издательством был заключен 10 октября 1910 года (этот документ сохранился среди писем Копельмана: РНБ. Ф. 634. № 129. Л. 10). Седьмой том вышел из печати не позднее 21 февраля 1912 года.

⁶ Очевидно, один из видов приработка в издательстве Д. Е. Жуковского, который проводил лето в семье своей супруги А. К. Герцык в Судаче. В 1910 году в его издательстве готовилась к печати сборник статей Петра Струве 1905—1910 годов «Patriotica: политика, культура, религия, социализм» (СПб., 1911), а также перевод труда Анри Бергсона «Материя и память. Исследование об отношении тела к духу» (СПб., 1911).

⁷ Текст в оригинале письма поврежден. Прочтеть фамилию здесь не удалось.

⁸ 10 июля Ремизов прибыл в имение Ждани по приглашению Е. В. Аничкова. См. о нем: На вечерней заре 1909-2. С. 195 (прим. 173 и 176).

⁹ Ср. следующее описание достопримечательностей Жданей, сделанное братом Е. В. Аничкова и совладельцем имения Иваном Васильевичем Аничковым: «В усадьбе есть каменная церковь во имя Св. Георгия Победоносца, построенная в 1846 г. дедом Ив. Вас. Аничковым, а до нее была только старинная каменная часовня, стоящая, по местному поверью, на месте, где было ранее калище Перуну» (Аничков И. В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. Новгород, 1916. С. 28).

¹⁰ В квадратных скобках здесь и по всему тексту Ремизов вписывал ремарки, относящиеся ко времени создания рукописи, т. е. ко второй половине 1940-х годов.

¹¹ Об отношениях Ремизова с З. Н. Гиппиус см.: На вечерней заре 1909-1. С. 160.

¹² Подразумевается родовое имение С. П. Ремизовой-Довгелло — село Берестовец Черниговской губернии.

¹³ С 9 июля 1909 года Ремизовы отдыхали в имении В. С. Гриневич Ольховый Рог Полтавской губернии (см. итинерарий писателя: РНБ. Ф. 634. № 3. Л. 12). См. о ней: На вечерней заре 1909-2. С. 193 (прим. 132).

¹⁴ Подробные сведения об имении Ждани и его владельцах см. в книге И. В. Аничкова «Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии» (с. 27—29).

¹⁵ О. П. Аничкова (урожд. Дирина).

¹⁶ Об этом поворотном событии в биографии писателя см.: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8: Подстриженным глазами. Иверень. С. 283—286.

¹⁷ Прозвище одного из ключевых персонажей романа «Крестовые сестры» — генеральши Холмогоровой, образ которой содержит очевидную аллюзию на старуху-процентщицу из романа Достоевского «Преступление и наказание».

¹⁸ Пришвина Мария Ивановна (урожд. Игнатова; 1842—1914). О матери писателя и ее образах в автобиографической прозе см.: Пришвина В. Путь к слову. С. 10—16.

¹⁹ Аничкова Анна Митрофановна (урожд. Авинова; псевд. Иван Странник; 1868—1935) — писательница, переводчица; жена Е. В. Аничкова.

²⁰ Ледащий (ледащий) — в просторечном языке, а также в диалектах характеристика слабосильного, невзрачного человека.

²¹ Савинков Борис Викторович (1879—1925) — лидер Боевой организации партии эсеров; товарищ Ремизовых по ссылке. Ассоциирование образа Савинкова с деструктивным влиянием на личную жизнь было связано для Ремизова с биографическим сюжетом. Ремизов и Серафима Павловна Ремизова-Довгелло познакомились с Савинковым в 1902 году в вологодской ссылке, когда террористическая программа партии была еще на стадии формирования. Завязавшие дружеские отношения в 1903 году были прерваны из-за конфликта, причиной которого стала новая жизненная установка Серафимы Павловны, отбывавшей ссылку за причастность к революционной пропаганде эсеров: под влиянием Ремизова она объявила Савинкову о своем решении завершить политическую деятельность. Подробнее об этом поворотном событии в совместной биографии супругов Ремизовых см.: Письма А. М. Ремизова к П. Е. Щеголеву. Ч. I. Вологда. (1902—1903) / Вступ. статья, подг. текста и комм. А. М. Грачевой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 125—126, 171—172.

²² Княжнин Владимир Николаевич (наст. фам. Ивойлов; 1883—1942) — поэт, литературовед.

- ²³ Брат Е. В. Аничкова — Иван Васильевич Аничков (1863—1921), мировой судья, краевед, исследователь новгородских древностей, член Новгородской губернской ученой архивной комиссии, учредитель и председатель Новгородского общества любителей древности.
- ²⁴ Обыгрывается имя персонажа русской демонологии. См. новеллу «Летавица» (Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 2: Докука и балагурье. С. 128—133).
- ²⁵ См. о ней: На вечерней заре 1907. С. 167.
- ²⁶ См. прим. 19.
- ²⁷ См. прим. 17.
- ²⁸ Речь идет о курганах, расположенных по берегам реки Мста, которые в просторечии назывались «шведскими могилами» и связывались с историей Северной войны (1700—1721). В действительности они являются погребениями более раннего периода.
- ²⁹ Философова Анна Павловна (урожд. Дягилева; 1837—1912) — либеральная общественная деятельница, организатор Высших женских курсов в Петербурге, мать Д. В. Философова. Ее юбилей, прошедший в 1909 году, широко отмечался в прессе. См., в частности, статьи В. В. Розанова «Анна Павловна Философова» (Русское слово. 1909. 17 фев. № 38; под псевд. В. Варварин) и «Анна Павловна Философова (К 50-летию ее общественной деятельности)» (Новое время. 1911. 18 апр. № 12606).
- ³⁰ Николай Христофорович Кетчер. См. о нем: На вечерней заре 1909-2. С. 194 (прим. 143).
- ³¹ С 30 июля по 20 августа 1910 года Ремизовы отдыхали вместе с Р. В. Ивановым и его женой на острове Вандрок, одном из Аландских островов на юго-западе Финляндии.
- ³² Подразумевается квартира Ремизовых в Малом Казачьем переулке (д. 9, кв. 34), где они жили с 22 сентября 1908 года.
- ³³ Персонаж повести «Оля» (впервые опубликована отдельным изданием в 1927 году в Париже).
- ³⁴ Идиома, обозначающая прошедший праздник.
- ³⁵ Варенцов В. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860. Обращение Ремизова к фольклорным источникам, опубликованным в научной литературе, было связано со сбором материалов для будущей пьесы «Действо о Георгии Храбром» (1911).
- ³⁶ Статья К. Чуковского «Всё о том же: [О Леониде Андрееве]» напечатана в газете «Речь» 11 (24) июля 1910 года.
- ³⁷ Персонажи романа «Крестовые сестры».
- ³⁸ Здесь упомянуты семейные реликвии, свидетельствующие о древности рода Аничковых, пращур которых — царевич Большой Орды Берка (Беркай) — был принят в 1301 году вел. кн. Иваном Калитой и в крещении от св. митрополита Петра получил имя Аникий и благословение золотой пангией. Подробнее об этом см.: Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890. Т. 1а: Алтай—Арагвай. С. 786.
- ³⁹ Подразумевается И. В. Аничков. См. прим. 23.
- ⁴⁰ История всероссийских археологических съездов ведет свое начало с 1869 года. Инициатором первого съезда, как и всех последующих, выступало Московское археологическое общество, созданное одним из самых известных археологов середины XIX века графом А. С. Уваровым. Первое организационное заседание XV Археологического съезда состоялось 21 июля 1911 года в здании новгородского Дворянского собрания. В 1914 году вышли в свет «Труды XV Археологического съезда в Новгороде».
- ⁴¹ Возможно, речь идет о набросках книги Аничкова «Язычество и древняя Русь» (СПб., 1914).
- ⁴² Александр Иванович Котылев. См. о нем: На вечерней заре 1909-1. С. 187 (прим. 17).
- ⁴³ Успенский Глеб Иванович (1843—1902). Его дочь — Вера Глебовна с 1899 по 1908 год состояла в браке с Б. В. Савинковым.
- ⁴⁴ Героиня повести «Крестовые сестры».
- ⁴⁵ Имеется в виду герой романа Достоевского «Униженные и оскорбленные» князь Петр Александрович Валковский.
- ⁴⁶ Подразумевается фрагмент «Из дневника» Л. Н. Толстого с описанием нескольких встреч писателя с крестьянами, который завершается следующей сентенцией: «Да, какая чудная для посева земля. Какая восприимчивая. И какой ужасный грех бросать в нее семена лжи, насилия, пьянства, разврата» (Толстой Л. Из дневника // Речь. 1910. 14 июля. № 190. С. 2).
- ⁴⁷ Речь идет о скульпторе Василии Васильевиче Кузнецове, муже Л. Д. Бурлюк (см. о ней в прим. 57).
- ⁴⁸ Бронзовый бюст Ремизова работы В. В. Кузнецова (1911) в настоящее время хранится в Музее Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (был передан из Государственного Музейного фонда в 1925 году).
- ⁴⁹ Очевидно, изначально речь шла о скульптурном портрете Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло.
- ⁵⁰ Подразумевается сказка «Пасхальный огонь» (Солнце России. 1910. № 25. С. 14), вошедшая впоследствии в состав авторского сборника «Докука и балагурье. Русские сказки» (СПб.: Сирин, 1914).

⁵¹ Речь идет о матери писателя — Марии Александровне Найденовой (1848—1919; в замуж. Ремизова). Выпускница Петропавловской женской гимназии при Евангелическо-Лютеранской церкви св. апостолов Петра и Павла в Москве, она культивировала в своих четырех сыновьях любовь к немецкой литературе и немецкому языку. Поэтому, в духе семейной традиции, даже будучи взрослыми, дети продолжали звать ее по-немецки — Mutter.

⁵² Сюжетная линия героини «Крестовых сестер» Анны Степановны Шияновой, служившей в частной гимназии Ледневой, в черновых редакциях романа содержала прямые аллюзии на биографию Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло, некоторое время преподававшей в Рождественском коммерческом училище М. А. Минцловой. Однако в печатной редакции подробности реальной истории, связанной с махинациями администрации училища, удерживавшей средства из жалования преподавательскому составу, были значительно редуцированы. Ср. предпоследнюю (пятую) редакцию романа: «После долгих поисков Анна Степановна нашла себе уроки в какой-то частной гимназии, и гимназия оказалась образцовой, а начальница гимназии Леднева из идейных. Леднева начальница обладала великим искусством не трогать ни копейки из своего кармана, и делала она это и как-то очень просто конечно, затуманивая свое дело самым настоящим петербургским туманом: те *министерские* деньги, которые приходится учителю при зачислении его в штат, шли у ней не как какие-то там *обмундировочные*, а в качестве собственного жалования ее учителю за уроки, а так как в штат зачисляют однажды, то и учителя в ледневской гимназии всякий год обязательно менялись, и делала она это с не меньшим искусством и тоже не без тумана. (...) Два месяца не получала Анна Степановна жалование, все ей оттягивали под разными предлогами, и только на третий месяц выдали и, само собою, не как собственное жалование, а как ссуду в счет тех *министерских*, какие ей в свое время поступят из министерства» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 269. Л. 71—72). О черновых редакциях «Крестовых сестер» см.: *Обатнина Е. Р.* Материалы А. М. Ремизова в архиве Р. В. Иванова-Разумника // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 3—11.

⁵³ Н. А. Ремизова — дочь писателя.

⁵⁴ Записка, обращенная к дочери, завершает текст письма.

⁵⁵ Иван Кириллович Пархоменко, автор портрета Ремизова. См. об этом: На вечерней заре 1908. С. 176 (прим. 99).

⁵⁶ Зноско-Боровский Евгений Александрович (1884—1954) — секретарь редакции журнала «Аполлон».

⁵⁷ Бурлюк Людмила Давидовна (1886—1968) — старшая из трех сестер Давида Бурлюка; художница. См. о ней: На вечерней заре 1908. С. 149—150; На вечерней заре 1909-2. С. 186—187 (прим. 33).

⁵⁸ Ошибочное написание фамилии Сергея Сергеевича Познякова (1889—1945?) — литератора, близкого друга М. А. Кузмина.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

СПб.

9 марта 1910

Вот сижу один, и из головы не выходят мысли о том, как ты отчаиваешься и успокоиться не можешь от этой ⟨нрзб. 1 слово⟩ — от каких-то недовольств, Бог знает, кого.

Но во имя того, что, ведь, сама по себе, всегда была, есть и будешь, ну во имя достоинства своего и своего резкого отличия из тысячи, напряги, собери свои силы, и носком ботинка откинь от себя все это лезущее, с коготками, с слюнями, с бранью. Уже потому, что ты сама по себе, это никогда не прощается и при первой возможности вымещают.

А то посмотри, ночью ты мучаешься, боишься. Из-за чего? И кого? Кого бояться? Не надо никого бояться. Не я должен тебе напоминать, не я, ты сама знаешь.

Нет, никогда не будем жить под скорлупкою, стоит подлезть под нее и уж, хочешь-не-хочешь, придавишься, согнешься, нет, нет и нет. Всегда сами по себе, пускай со всеми неприятностями, но не поддаваясь, не уступая — во имя своего отличия от тысячи.

Убеждаю тебя, прошу, собери силы, взгляни с высоты своей, ударь крепко, как ударишь по столу, и настойчиво: кто смеет? А. Р.

2

⟨Петербург
18 апреля 1910⟩

⟨Письмо отсутствует. На его место в тетради вклеен пустой конверт. — А. У.⟩

3

СПб.
8 на 9 VII ⟨1910⟩ Четверг
№ 1

Дорогая моя деточка, ненаглядочка. Досидел я до 3-х часов, все Иуду поправляю, да лягу уж спать, не кончивши. Пришел домой, чай с хлебом попил и сел, с тех пор и сижу. Туман сейчас над Петербургом, я окна закрыл. Так моя деточка, а ты теперь едешь и, может, один глаз заснул крепко, а другой еще не совсем крепко, — собирается. Как-то ты доедешь. Не поссорила ли с соседом своим. Ну, деточка моя: свисток свистит далеко где-то, это, должно быть, встают на работу. А мне спать пора.

9 VII Пятница

Я очень уж заволновался, дорогая моя деточка, сейчас без четверти девять вечера. Укладывался, кажется, немного осталось: только запереть. Встал я рано — в 9-ь ч(асов) и голова болела. И все-таки встал, очень хотелось мне все сделать. Теперь голова не болит. Знаешь, детяточка, как исчеркал я Иуду, вижу, не будет у меня 12-и листов, дай Бог, 11-ь и решил вставить после сказок еще Цепь златую: 1) Николу 2) Диаклетиана, 3) Братца, 4) Властелина, 5) Змею, 6) Злоубийцу, 7) Страсти 8) Светло-Хрис(тово) воскрес(енье).

Вот над этим сидел и еще посижу до поезда. Тоже вычеркиваю много. После это войдет в Лимонарь, а теперь, хоть сюда.

Никто не был у нас. От Жуковского Д. Е. открытка из Судака, ч(то)б(ы) я корректуру сделал. Это он о вчерашней, которую уж отправил. А затем от Я ⟨далее нрзб.⟩ письмо, посылаю, не вскрывая, тебе интересно...

А ты еще все едешь. детяточка. Скоро спать ляжешь. Напиши, как доехала. А я вол(нуюсь) сейчас страшно. Видишь, и почерк волною. Завтра напишу уж из Ждани. А. Ремизов.

Видел во сне Шестова. Не пришлет ли денег.

Не забывай, деточка моя, пиши мне.

Адрес Вал(ентины) Алек(сандровны Шалауровой) ты забыла взять.

Старый Петергоф

Новые места

Бабаевский переезд

Дача доктора Игнатьева

Л. К. Шаворонковой

для В. А. Ш.

4

10 июля 1910

Ждани

№ 2

〈Что〉 хочу сделать, это тебе письмо начать на новом месте. Без четверти 2а (дня), только что отзавтракали. Я водворился в комнату, выходит во двор к воротам, все березы по забору. А против — 〈домов〉ая Аничковская церковь и часовня. Мне это очень понравилось, есть домовая церковь.

(Сейчас приходил Е〈вгений〉 В〈асильевич Аничков〉 и сказал, что письма надо готовить к завтраку — к 1 ч〈асу〉 д〈ня〉, а это письмо пойдет только в 4 ч〈аса〉 д〈ня〉, поедут).

Приехал я на вокзал за час, а Е〈вгений〉 В〈асильевич〉 за ¼ часа. Поехали в отдельном купе I класс. До 2-х ч〈асов〉 он мне рассказывал, а с 2-х до 8-и спали непробудно. Во сне видел Зин〈аиду〉 Ник〈олаевну〉 Гиппиус. К чему это она?

Здесь совсем не похожа усадьба ни на Берестовец, ни на Ольховый рог — своя соб〈ственная〉 физиономия. Очень березы мне нравятся. Видел мать Аничкова. Очень разговорчива до невозможности. Но я, как кажется мне, буду находиться наверху и заниматься.

Ты теперь тоже, деточка, уж приехала. Напиши, пожалуйста, как все у тебя.

Много есть книг для меня и я смогу позаняться. Насчет места такого еще не могу сказать определенно, как и что, ой, мне с этим всегда горе. 〈Во〉дили меня туда. Что дальше будет.

Напишу тебе сегодня вечером.

А. Ремизов

5

10 на 11. VII. 〈1910〉 (1 ч〈ас〉 ночи)

Ждань

№ 3

〈Часть текста утрачена. — А. У.〉 моя деточка. Вот уж я и соскучился по тебе. Покликал-покликал, негу. Я устал, деточка, страшно. Кончил поправлять; 〈завт〉ра за рассказ примусь — 2-ую главу. Ну, как тебе сказать: мать Аничкова в миллион тысяч раз сноснее Вши. Напр〈имер〉 — обыкновенная старая барыня и больше ничего. Аничков очень требует многого. С детьми занимается барышня ледащая. Ждали кого-то сегодня к себе — жену какого-то брата, и не приехали. Это и хорошо. Газету Аничков забыл мне оставить. С 12-и все спят. Тихо в доме и кругом тихо. Там у тебя лягушки либо кузнечики, а тут ничего — тихо так по-ночному.

Ну что тебе еще написать, деточка, ничего не случилось. Жду от тебя вестей, как доехала. До свидания, 〈деточка〉, спать ложусь.

11. VII. 〈1910〉 (II ч〈аса〉 дня)

Во сне видел сегодня В〈ориса〉 В〈икторовича Савинкова〉: какой-то скандал должен произойти.

Не заболит ли живот, чего доброго, а так что же может быть.

Встал я ½ 9-го. И сел I главу читать «Крест〈овых〉 Сестер», потом мне принесла горничная молоко и масло. По утрам 〈до〉 завтрака я не буду показываться. Сейчас все ушли к обедне и я один в доме. Обедня тянется уж долго. Именины, настоящие имен〈ины〉. Между березами над воротами (ворота низкие — из теса) дубовая гирлянда и дубовый венок висит. Все очень изнаряжены: всех видел, как в цер-

ковь-то шли. Завтрак сегодня не в 1, а в 12-ь, потому и письмо придет(ся) отдать раньше. А газеты-то оказались от 9. VII; только сегодня получатся вчерашние.

Вот и все.

Возвращаются. А. Ремизов.

6

Ждани

С 11-го на 12. VII. <1910> 1 ч(ас) ночи

№ 4

<Часть текста утрачена. — А. У.>, уgomонились, спать полегли.

<Когда> Е(вгений) В(асильевич) показывал мне сегодня свои владения, то сказал мне, <будто> я не день, а уж месяцы у них. А я подумал: и <вправду>, будто месяцы уж прожил. Но сегодня исключительный <день> — эти именины. С 12-и началось торжество: угощали батюшку, который с лица очень похож на Ивойлова. Потом батюшка уехал, тут я пошел к себе заниматься — 2-ую часть отделява(ть).

И стали приезжать гости; на тройках, с колокольчиками очень и весело и знатно. Приехала жена брата Е(вгения) В(асильевича) с маленькими детьми: мальчик Вася и девочка Туся (на Наташу похожа). (Я думаю, лучше бы называли не Туся, а Летуся) — после я с этой девочкой разговаривал и сказала она мне слов немного, что стакан не она вовсе разбила (стакан кто-то из детей разбил). Приехал сосед (купец Зотов с супругою Антониной Игнатьевной — типа Варв(ары) Сергеевны, очень богатые), приехала какая-то старая барыня, говорящая больше по-французски, чем по-русски, и очень нашу вошь напоминающая — тетка какая-то и затем приехал двоюродный брат Е(вгения) В(асильевича) художник Аничков с женою. Вот и все гости. Во 2-ом ч(асу) завтракали. А после завтрака я опять к себе пошел, но на меня напала такая усталость, что я лег и заснул. Разбудил меня Е(вгений) В(асильевич), на обозрение. Очень у него все хорошо, только жаль, что <лес> уж не его, продал. И сидели мы на шведской <могиле> над Мстою-рекой. Потом обед, тут бы тебе — мороженое какое. Я-то ничего этого не ел, а все <думал> как бы ты поела такую вкусную вещь. Мать Е(вгения) В(асильевича) (приятельница Анны Павловны Философовой, как оказалось, ей Богу же, напрасно ее так ковши Е(вгений) В(асильевич) приравнивает) все вспоминала о своих именинах чуть ли не со дня сознания своего. Аничков долго был в ссоре со своей матерью и только в этом году они помирились и вот она живет у него (гостит) и видно, что очень рада. Шампанское пили и поздравляли. На воле стало холодно, и я опять ушел к себе, получилась газета от 10-го июля. Ничего в газете интересного нет, холера прибывает. Да еще сообщается, что по случаю какой-то годовщины дома Романовых будет в 1913 г(оду) амнистия всеобщая.

В 11-м опять спустился на террасу чай пить. И какой был пирог со взбитыми внутри сливками — вот бы <тебе>, деточка. Гости все разъехались. И стало тихо.

Подумывал сегодня уж, не пора ли опять <на>счет денег на отъезд себе с Е(вгением) В(асильевичем) заговорить. Когда получишь письмо от тебя, в котором уж, думаю, окончательно <выяснишь>, приедешь ли ты 20 или 21 в Петер(бург), тогда и сам точно <определю> свой отъезд. И Ив(анова)-Разум(ника) надо будет предупредить о билетах. Скучно мне без тебя, деточка. Культурно тут и неназойливо, и предупредительно, но все это не то, скучно без тебя, деточка. И пожаловаться на живот некому ж. А сегодня после прогулки разные добавления к I-ой главе приходили, сейчас бы тебе рассказал их. Как ты-то живешь там, деточка. С нетерпением жду от тебя письма.

12. VII. (1910) ½ 1-го дня

Проспал сегодня, деточка, ½ 10-ого вскочил. Видел во сне, что какой-то техник у меня адрес мой спрашивает, а я забыл, у какой хозяйки живем мы. Все помню дом № 9 кв. 34, а как хозяйку зовут, не знаю. И вот я пишу ему на бумажке карандашом: «Марья Гавриловна Ремизова» и вдруг просыпаюсь. Утром претер(пел) муку: раза 3 подходил к тому месту и все оно занятым оказывалось, и вспомнил я тут наш Казачий и весь уют его.

Отделяваю 2-ую часть (Крестовых сестер).

Да, вчера были фейерверки и весь сад был в (дожди)ках, но я не выходил — очень холодно было. Я не забнул: у меня фуфайка на себе.

До свидания, деточка моя.

А. Ремизов

7

Ждани

12 на 13. VII. (1910) 1 ч(ас) ночи
№ 5

(Часть текста утрачена. — А. У.) моя деточка, день сегодня прошел благополучно. После завтрака занимался 2-ой главой, которую завтра, должно быть, кончу.

Затем перед обедом читал Аничкову из «Золотой Цепи».

Надо бы от него имена узнать апокрифические.

Пил кипяченые сливки. За обедом. Между писанием читаю духовн(ые) стихи Варенцова, которые здесь хочу кончить. В газетах сегодня: происшествий особых нет, разве сообщение, как один отец-дьякон дочь свою изнасиловал, да восьмилетний мальчик, напившись пьяным, убил свою сестру (3-летнюю) и няньку (14-и летнюю). Вышел Совр(еменный) Мир. № 7 и в «Речи» есть продолжение Чуковского о Андрееве. Вот и все. Жду от тебя письма, еще ни одного не получилось. Думаю, написать Ив(анову)-Разумнику. Холера 50 + 39 = 89. А на юге в Феодосии, напр(имер,) совсем плохо. Были сегодня тут гроза и ливень.

Вот и все, деточка. Кажется, уж так много времени прошло с 8. VII, соскучился, детяточка, я по тебе (а не за тобой, как у вас говорят). Так-то, моя детяточка, так-то детятонька.

А. Ремизов

12 ч(асов) дня

Встал в 8. Чай пил у себя и молоко пил у себя, иду к завтраку. Написал о клоуне и брате его. Взялся за Адонию Ивойловну. Примусь; нет и (в) эту главу Акумовну пуцу. Хорошо бы сегодня (кон)чить. Через неделю 20-ое. Получу ли сегодня от тебя письмо. Жду с нетерпением.

До свидания, детяточка моя.

А. Ремизов.

8

Ждани

13 на 14. VII. 1910. 2-й ч(ас) ночи
№ 6

Моя деточка, сидел-сидел сегодня и только до описания Акумовны дошел. Так меня это пугает, моя медлительность. (Часть текста утрачена. — А. У.) чаем водил меня Е(вгений) В(асильевич) усадьбу показывать: в огород, в оранжерею, в ко-

нюшно, там, где кухня помещается и ⟨к⟩ дубкам — длинная аллея дубовая будет: сейчас молодые дубы. К обеду приехал тот двоюродный брат Е⟨вгения⟩ В⟨асильевича⟩, которого мы встретили в трамвае. Рассказывал род Аничковых и что у них в роду хранится: любопытная панагия Петра Митрополита, данная Аничкову⟨-⟩родоначальн⟨ику⟩ и Ковш — подарок Ивана Калиты. Один Аничков археолог, а на съезде 1911 г⟨ода⟩ в Новгороде и Е⟨вгений⟩ В⟨асильевич⟩ будет участвовать. Надо нам с тобою приехать тогда на этот съезд. Завтра думаю начать разговоры, как мне денег на дорогу достать. Жаль, что от тебя письма все нет, это я бы тут и начал. Газеты сегодня не пришли почему-то и что на свете делается не знаю. Когда-то выйдет дождемся! Детяточка моя.

А. Ремизов.

14. VII. ½ 1-ого

Все уехали перед завтраком за 3 версты лошадей смотреть. Я не поехал. Пасмурно, дождик ⟨накра⟩пывает. Ночью — всю ночь дождик шел. По⟨лучу⟩ я сегодня письмо от тебя. С утра, как встал, над Акумовной: сны ее сначала отделяю. ⟨Едва ли успею⟩ кончить сегодня всю главу. До 19-ого пять дней осталось. Почти уверен, что ты приедешь. И 20-го будем вместе. Очень меня мучает время насчет денег. И Аничков все занят с гостями. Надо уж начать.

До свидания, детяточка.

Скоро увидимся.

А. Ремизов.

9

Ждань

14 на 15. VII. ⟨1910⟩ 2-ой час н⟨очи⟩

№ 7

Нету и сегодня от тебя письма, деточка моя. Уж так я ждал его. 2 газеты получилось. Холерных 110 (с подозрительными) — детей много. Ну, день прошел в занятиях. А все-таки только ½ Акумовны написал. Трудно очень ее делать, над страничку сию ½ дня. Дождик шел и гроза была. Вернулся весь дом домой позже, чем предполагали. После вечернего чаю Е⟨вгений⟩ В⟨асильевич⟩ читал свою статью о «славянах и скандинавах», очень любопытную. Говорил уж, что разговор о езде начать не мешало бы. А он все думает, что 19⟨-го⟩ я не уеду, потому что от тебя письма нет. Меня все это очень мучает. Надо денег — хотел бы тебе денег послать. От Котылева нет никаких известий. Так меня все это огорчает, сказать не могу.

Детяточка моя!

А. Ремизов

15. VII. 12 ½ дня

Во сне видел Веру Глебовну ⟨Савинкову⟩. К чему она приснилась?

Все думал, не послать ли тебе телеграмму. Но потом решил, подождать: если ты написала мне 12-ого — письмо дойдет дня в 3-и и я получу сегодня или завтра. Мне кажется, что месяц прошел, как ты уехала, а на самом деле совсем пустяки.

Пока все благополучно. Ровно все идет, ничто не вызывает никакого раздражения, положим, я почти что не вижу с⟨ic!⟩. Тебе бы так пожить, детяточка. А у тебя, наверное, столько всяких историй.

До свидания, детяточка.

Акумовну окончательно сегодня кончу — и стало быть, 2 главу.

А. Ремизов.

10

Ждань

15 на 16. VII. <1910> 2-й ч(ас) н(очи)
№ 8

Дорогая моя детяточка. 19-ого поеду в Петербург. Уж так хочу, чтобы нам вместе ехать в Финляндию. А без тебя я не поеду, боюсь, что ты фрукты будешь есть, холера все увеличивается. А письма-то все нет от тебя. Уж меня это беспокоит, должно бы быть сегодня.

Все дождик идет. 2-ую часть кончил. Лидия Иван(овна) мне не нравится. Она молчит, но не знаю, отчего не нравится. Сегодня большой скандал был: я бы не знаю, если бы со мной так вышло, просто умер бы. Е(вгений) В(асильевич) всю усадьбу обежал, искавши сына с Лидией. Вздумали на ночь верхом уехать, а А(нна) Митр(офановна Аничкова) в гости уехала. Так что развлечение было мне. Крики и брани. Так и день прошел.

Когда-то приедешь ты, соскучился я.

А. Ремизов

16-го. VII. <1910> ½ 1-ого

Проспал я сегодня, деточка, в 10-ом проснулся. Во вчерашней «Речи» (№ 910, Речь, 14. VII) статья Толстого Льва Николаевича напечатана «Из дневника», рассказывает, как встретил молодого крестьянина, которого убедил не пить и который, как признался, не имел греха с женщиной. Интересны признания самого Толстого, что от старости, должно быть, его все расстраивает, — спазмы души, плакать хочет от умиления, если услышит хорошее, а вывод из статьи его, что вот какая богатая почва — крестьяне, которых развращают водкой и всяким развратом.

Начал 3 главу. Это письмо и не посылать бы тебе, все равно, ты его в Петербурге прочитаешь, но все-таки пошлю.

Сегодня теплый день и солнечно.

До свидания, детяточка моя.

А. Ремизов

11

Ждань

16—17. VII. <1910> 2-ой ч(ас) ночи
№ 9

Дорогая моя детяточка, уж этого письма не пошлю тебе, а передам.

19-ого ехать решил в Петербург. Так-то ты, деточка, обещания исполняешь: письма мне ни одного не написала! День прошел в занятиях. После обеда живот у меня заболел и я, было, очень-очень запечалился, ну, теперь ничего, не сглазить бы. Так-то, моя деточка.

18. VII. <1910> ¼ 1-ого

Вчера лег поздно, деточка, кончил 3-ю главу. Очень меня беспокоит, что ничего я не знаю о тебе, все дни ждал, нет ничего. Сегодня проспал. Поправляю написанное.

¼ 3-его

Сегодня получил, детяточка, твое письмо от 14-го июля и спешу послать это письмо и телеграмму (а то сейчас на почту едут). Вчера я тебе письма не посылал, потому что решил уж завтра ехать.

Сейчас переговорил с Е(вгением) В(асильевичем). Итак, я еду в Петербург 25-ого. В случае чего, немедленно телеграфируй.

А. Р.

12

Ждань

(18 июля 1910) 11 час ночи

№ 10

Итак, деточка моя, я тут остаюсь на неделю и 26(-го) поеду в Петербург. Поезд отходит в 9 ч(асов) вечера, а приходит в Петерб(ург) в 6 ч(асов) утра. Если захочешь раньше в Петербург, телеграфируй за день, по крайней мере. Адрес для телеграммы: Боровичи, Ждани. Ремизову.

Почтою — это означает, что пришлют с газет(ами) и письмами в 3 ч(аса) дня.

С нарочным, — за 75 к(опеек) принесут.

Займа не удастся сделать. Ты права. Вексель может быть только с гарантией. Перед выездом моим даст мне Е(вгений) В(асильевич) 30 руб(лей) из своих денег и мы ему будем должны $10+25+30 = 65$. Попрошу еще 5 р(ублей) для круглого счета. Как с тобой быть насчет денег, приняться ли мне выманывать сейчас эти 30 руб(лей), чтобы послать тебе 15, или же ты на дорогу достанешь в долг и сейчас же вышлем. Если нельзя достать, телеграфируй.

Надо прислать. Плохо дело с деньгами, деточка. Ты вот как-то сообразила тогда, что не выйдет займа, так оно и вышло. Написал Котылеву, чтобы он меня известил, как с моими вещами к Разумнику Иванову, чтобы написал, когда ехать. Сегодня очень жарко, у меня голова разболелась.

Сегодня, гулять ходил на поле с Е(вгением) В(асильевичем). И мать его и Анн(а) Митр(офановна) уезжали в гости. Как я рад был сегодня, когда письмо твое пришло, а то уж очень стал беспокоиться. Ну вот, детяточка моя.

19. VII. (1910) 20' первого.

Заказал себе, деточка, марок еще и пошлю Акумовне открытку. Тебя во сне, деточка, сегодня все видел. Начал четвертую главу — трудную, (текст) вновь приходится писать.

До свидания, моя деточка.

А. Р.

13

Ждани

19 на 20. (VII. 1910) 2-ой час

№ 11

Получил, деточка, твое заказное письмо, отправленное 14. VII. Что-то шло оно долго очень. Письмо с карточкой Наташи. Очень она понравилась и Е(вгений) В(асильевич) и А(нна) М(итрофановна) ей кланяются. Завтра, кажется, уезжает мать Е(вгения) В(асильевича). И будет вольнее. Ее тут все просто ненавидят, а за то, что командует: и А(нна) М(итрофановна) и дети и прислуга. Если тебе хоть сколько-нибудь захочется еще подольше пробыть в Берестовце, напиши или телеграфируй, я могу тут остаться и еще: мне все делается и относится очень хорошо, а я сию пишу и только изредка разговариваю. Приходит Е(вгений) В(асильевич). Он очень справляется, как разговаривала ли ты, я сказал, что по приезде расска-

жешь. Он предупреждает, что говоря, *не надо просить*, что мне, *нужно*, а надо говорить *мне следует*. Это я на будущее пишу, чтобы фразу то не забыть. В Пет(ербурге) холера увеличивается, теперь уж 80 хол(ерных) и 70 подозр(ительных) и на лотках торговля воспрещена. Я очень буду бояться, если ты будешь есть фрукты, деточка. И потому, еще раз говорю, *если вздумаеть подольше еще пожить, поживи, а я без тебя в Петербург не приеду*. Насчет Кузнецова, конечно. От всякой лепки можно увильнуть. А насчет данных денег смотреть, по-моему, следует проще, (часть текста утрачена. — А. У.), ей Богу, так. Ну, конечно, впредь поосторожнее, чтобы (часть текста утрачена. — А. У.) всегда. Видение батюшки очень пригодилось. На следующей странице пишу письмо на случай Наташе, если надо, то покажи, я не знаю, надо мне писать или нет. Так-то, моя деточка. Вот во сне-то тебя видел и письмо получил. В «Солнце России» в № 25 напечатали «Чудесный огонь», видел объявление в «Речи». Я теперь получил от тебя письма, и успокоился, а то так беспокоился, просто и писать не выходит. Но ты поосторожнее, там на жаре вредно тебе, это мне ничего. Да и я сегодня снял фуфайку. Ну хорошо, дорогая моя деточка. Мутеру поздравительное письмо сейчас напишу. Именинница. Скоро и твои именины, деточка.

20. VII. (1910) 12 ч(асов) дня

Видел во сне, деточка моя, государя и государыню, будто я с ними разговаривал. А потом мы с тобой по Эрмитажу ходили. Встал сегодня как-то тревожно. Еще не начал продолжать 4 главу (о учительнице, ее биографию), все читал написанное и исправлял и вставки делал.

До свидания, моя деточка. Берегись, от жары прячься.

НАТАША. МОЯ ДОРОГАЯ ДЕТОЧКА, КАРТОЧКУ ТВОЮ ПОЛУЧИЛ. СПАСИБО ТЕБЕ. А ЗАПЯТЫЕ ТЫ ХОРОШО СТАВИШЬ. ТВОЙ ПАПА.

14

Ждани
20 на 21. (VII). 1910
№ 12

Дорогая моя детяточка! Этого письма я не пошлю тебе. Сегодня получил твою телеграмму. День прошел томительно: приезжал Пархоменко и пришлось с ним быть, сначала Аничкова-то не было — в город уезжал. Устал смертельно от него. И написал сегодня мало. Гулять ходил ко 2-ой Шведской могиле.

21—22. (VII. 1910) 2 ч(аса) н(очи)

Во сне видел Кузмина, Зноско-Боровского, Бурлючку, Сер(гея) Сергеевича (Познякова). Чувствовал себя плохо. Уехала мать Аничкова. Холерных меньше. Слушал статью Аничкова. Завтра и послезавтра. И тогда тебя увижу, моя деточка.

Тороплюсь, хочется мне ну еще немножко написать до Петербурга. Хоть 5-ую бы главу.

22—23. (VII. 1910) 2 ч(аса) н(очи)

Детяточка моя! Видел во сне Шестова. Я плохо себя сейчас чувствую с животом. Все писал, но еще много писать. Сейчас лягу. Скоро, скоро тебя увижу, ненаглядная моя детяточка. Я, детяточка, тут последнее время сливки пью.